

ГЕНДЕРНАЯ КОЛЛЕКЦИЯ

ЗАРУБЕЖНАЯ КЛАССИКА

Гендер и язык

Антология

А. В. Кирилина

Гендер и язык

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24426282

Гендер и язык / : Языки славянской культуры; Москва; 2005

ISBN 978-5-9551-0011-3

Аннотация

В антологии представлены зарубежные труды по гендерной проблематике, имевшие широкий резонанс в языкознании и позволившие по-новому подойти к проблеме «Язык и пол» (книги Дж. Коатс и Д. Тайней), а также новые статьи методологического (Д. Камерон), обзорного (Х. Коттхофф) и прикладного характера (Б. Барон). Разнообразные подходы к изучению гендера в языке и коммуникации, представленные в сборнике, позволяют читателю ознакомиться с наиболее значимыми трудами последних лет, а также проследил, эволюцию методологических взглядов в лингвистической гендерологии. Издание адресовано специалистам в области гендерных исследований, аспирантам и студентам, а также широкому кругу читателей, интересующихся гендерной проблематикой.

Содержание

Гендерные исследования в лингвистических дисциплинах	5
Женщины, мужчины и язык	43
Первая часть	44
Глава 1	44
1.1. Введение	44
1.2. Социолингвистика	47
1.3. Женщины как социальная группа	52
1.4. Женщины, мужчины и язык	63
1.5. От автора	66
Примечания	67
Глава 2	67
2.1. Введение	67
2.2. Наивная лингвистка	69
Конец ознакомительного фрагмента.	109

Гендер и язык

Научный редактор и составитель **А. В. Кирилина**

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИ-
ЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

ЛАБОРАТОРИЯ ГЕНДЕРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Редакционный совет серии «Гендерная коллекция – зарубежная классика»

Венедиктова Т. Д., Воронина О. А., Гениева Е. Ю., Дудин Б. В., Дробижеева Л. М., Зверева Г. И., Казавчинская Г. Я., Кон И. С., Кочкина Е. В., Ливергант А. Я., Петровская Е. В., Посадская-Вандербек А. И., Садомкая Н. Н., Самойло Е. Н., Сорокин А. К., Утешева Н. Т., Федорова Л. Н., Хасбулатова О. А., Чистяков Г. П., Юрьева Н. Ю., Ярыгина Т. В.

Научный редактор и составитель *А. В. Кирилина*

Гендерные исследования в лингвистических дисциплинах

А. В. Кирилина

В последнее десятилетие в отечественном языкознании отмечается бурный рост интереса к лингвистической составляющей гендерных исследований: проводятся научные семинары и конференции, появляются периодические издания, увеличивается количество диссертационных исследований. Вместе с тем, научная молодежь испытывает потребность в изданиях хрестоматийного характера и антологиях, которые позволили бы ознакомиться с историей развития гендерных исследований в лингвистике в общем контексте формирования и эпистемологических трансформаций гуманитарного знания второй половины XX в., а также проследить изменения методологических основ изучения гендерных аспектов языка и коммуникации. Предлагаемая вниманию читателей антология призвана ознакомить российских исследователей с рядом известных трудов по гендерной проблематике и способствовать расширению знаний начинающих исследователей.

Вступительная статья посвящена основным этапам развития гендерных исследований в лингвистике, причинам

методологических поворотов, анализу заблуждений, собственных ранним исследованиям гендерной проблематики, а также краткой характеристике представленных в антологии работ. Все это позволяет читателю сориентироваться и начать чтение переводных трудов, уже имея представление о развитии лингвистических гендерных исследований. Мы остановимся на обсуждении понятия *гендер* и научного контекста его возникновения (часть 1), характеристике этапов развития гендерных исследований и возможностей гендерного подхода в языкознании (часть 2), а также дадим краткий обзор включенных в антологию трудов (часть 3).

I.

Понятие *гендер* пришло в лингвистику довольно своеобразным путем: английский термин *gender*, означающий грамматическую категорию рода, был изъят из лингвистического контекста и перенесен в исследовательское поле других наук – социальной философии, социологии, истории, а также в политический дискурс. Перенос был сделан, чтобы «уйти» от термина *sexus* (биологический пол), так как это понятие связывает с природной детерминированностью не только телесные различия мужчин и женщин, но и полоролевое разделение труда, неодинаковые требования и отношение общества к мужчинам и женщинам, разную общественную «ценность» лиц в зависимости от их пола. Термин *гендер* был при-

зван подчеркнуть не природную, а социокультурную причину межполовых различий.

В языкознание же *гендер* пришел, вернее, вернулся в новом значении, несколько позднее из сферы социальных наук, когда гендерные исследования получили статус междисциплинарного направления. Наряду с этим понятие *гендер* функционирует в англоязычной лингвистической литературе, разумеется, и в своем старом значении. Кроме того, и до появления нового термина лингвистическая семантика не игнорировала отражение в языке понятия *пол* в значении *sexus*. Да это было бы и невозможно, так как семантический компонент *пол* входит в состав значения многих лексических единиц (*мужчина, женщина, мать, отец* и т. д.). И сегодня работы, посвященные рассмотрению этого вопроса, оперируют понятием *пол*. Таким образом, возникает необходимость выяснить, как соотносятся эти понятия именно в области языкознания, так как их функционирование здесь, как показано выше, отличается от ситуации в других общественных науках, занимающихся гендерными исследованиями.¹

Хотя понятие *гендер* признается сегодня большинством исследователей, существует ряд трудностей, возникающих при чтении специальной литературы и связанных с неко-

¹ См., например, М. А. Кронгауз. *Sexus*, или Проблема пола в русском языке // Русистика. Славистика. Индоевропеистика: Сб. к 60-летию А. А. Зализняка / Под ред. А. А. Гиппиус и др. М., 1996. С. 510–525; А. М. Шахмайкин. Проблема лингвистического статуса категории рода // Актуальные проблемы современной русистики: Диакрония и синхрония. М., 1996. С. 226–273.

торами различиями в понимании гендера и сравнительной новизной этого понятия. Прояснению вопроса не способствует растущий поток переводов с английского на русский язык, где английское соотношение *sex – gender* оказывается не вполне соответствующим русскому пониманию аналогичных понятий. Так, в русском языке пара *секс – пол* оказывается не адекватна английскому *sex – sex*, что, на наш взгляд, несколько «разгружает» слово *пол*. Кроме того, в западных странах в последние годы наметилась отчетливая тенденция – даже вне научного дискурса – к вытеснению номинации *sex* в значении *пол* и замене ее словом *gender* в целях политической корректности. Функционирование терминологических единиц исследуемой области обнаруживает следующие особенности:

– Значительная часть трудов, посвященных полоролевой дифференциации общества и связанным с ней процессам, написана до возникновения термина *гендер* и оперирует понятиями *sex, sex us, sexuality* даже в тех случаях, когда речь идет о социальных аспектах взаимодействия полов;

– Термин *гендер* возник в англоязычном пространстве и является английским омонимом грамматической категории рода, что в ряде случаев приводит к неясностям именно в лингвистическом описании;

– Ряд исследователей придерживается старых понятий, пользуясь терминами *sex bias, sex role, sex difference* и т. д., включая, однако, в свои рассуждения положения о социаль-

ной и культурной значимости пола. Заметна и противоположная тенденция – стремление заменить слово *пол* (*sexus*) новым термином. Так, Д. Вайс², говоря о биологическом поле, применяет термин *natural gender*, снабжая его в скобках пояснением (*sexus*). Особенно это касается трудов, время создания которых совпало с возникновением понятия *гендер*.

Все это свидетельствует о затруднительности последовательного разграничения обсуждаемых терминов.

Неясности возникают в зависимости от языка, на котором описано исследование, а также при переводе иноязычных работ на русский язык. Так, в немецком языке наряду с понятием *Gender* используются немецкие номинации *Geschlecht*, *das soziale Geschlecht*. Некоторая путаница возникает и в русском языке, особенно при переводе.

– При выборе терминологии имеет значение концептуальная позиция автора. Так, представители биодетерминистского направления, настаивающие на физиологически и психически обусловленной дифференциации когнитивных различий и языковой способности мужчин и женщин, применяют традиционное обозначение пола, хотя и в их работах встречается понятие *гендер*.

– В отечественном научном дискурсе понятие *гендер* находит широкое применение, несмотря на свою новизну. Некоторые авторы предлагают пользоваться терминами, включа-

² D. Weiss. Kurica ne ptica, (a) baba ne celovek // Slavische Linguistik. 1987. S. 413–443.

ющими слово *пол*. Применяются понятия *гендер*, *пол*, *социальный (социокультурный) пол*, *половой диморфизм*, *поло-ролевая дифференциация*, *биосоциальные (биокультурные) характеристики человека*. Последние подчеркивают двойственный характер пола, его природную и культурную составляющие. Термин *пол* кажется многим исследователям приемлемым еще и потому, что в русском языке, в отличие, например, от английского, понятие *пол* не идентично понятию *секс* (именно этот факт в англоязычном научном дискурсе стал одной из причин введения в оборот термина *gender*). Заимствованная лексема *секс* отражает лишь область взаимодействия полов, связанную с их репродуктивной функцией. С одной стороны, это делает лексему *пол* более нейтральной, с другой, как уже говорилось, создает сложности при переводе иноязычной литературы на русский язык и при использовании термина *сексуальность*, который в западной научной традиции связан не только и не столько с репродуктивной функцией человека и коитальным контактом, а в русском переводе приобретает именно такой оттенок.

Методологические основы гендерных исследований и их философское осмысление зависят от исторических факторов развития как самих лингвистических знаний, так и общенаучной модели человека. Существенную роль играет в рассмотрении и интерпретации фактов приверженность исследователя той или иной методологии, а часто и его идеологические установки. Ряд понятий, применяемых в ген-

дерных исследованиях, пришел из политического дискурса. Так, термин *сексизм* возник в период наиболее активной феминистской критики языка и обозначает структуры языка, отражающие дискриминацию по признаку пола: язык не только антропоцентричен, но и андроцентричен – в нем зафиксирована главным образом мужская перспектива, мужская субъектность, мужская картина мира, а женщинам отводятся второстепенная, маргинальная роль и статус объекта. Исследователи, придерживающиеся более нейтральной позиции, избегают применения понятия *сексизм* в научном описании и заменяют его термином *гендерная асимметрия*, под которым подразумеваются особенности отражения в языке лиц мужского и женского пола, полоролевых стереотипов и т. д., так как понятие *сексизм* предполагает как бы намеренную дискриминацию, в то время как намерение – и тем более злое – у языка, разумеется, отсутствует.

Для того чтобы понять, почему введение нового термина оказалось необходимым, следует рассмотреть время и условия возникновения и широкого распространения гендерных исследований, т. е. изложить философские и методологические предпосылки их возникновения в эпоху постструктурализма и – шире – постмодернизма.

С этой точки зрения важно учитывать, что бурное развитие гендерных исследований на Западе совпало по времени с формированием новой философии науки – в первую очередь благодаря идеологии постмодернизма, а также поиску

новой эпистемы в самой лингвистике, связанному с критической структурализмом.

Начнем с того, что принципиально нового внесли в теорию познания некоторые тенденции современной мысли, которые часто характеризуются как постмодернизм. Это постструктурализм, деконструктивизм, постмарксизм и некоторые течения феминизма. Во многих отношениях различия между ними перевешивают сходства, но при этом их объединяют и общие черты, которые и могут быть определены как постмодернистские:

1. Все они отрицают устойчивые эпистемологические основы, неоспоримые теоретические предпосылки и закономерности. Их объединяет недоверие к абсолютным или универсальным нормам и всеобъемлющим теоретическим системам.

2. Все направления постмодернистской мысли признают лишь языковую концепцию реальности, утверждая: то, что мы воспринимаем как реальность, на деле – социально и лингвистически сконструированный феномен, результат наследуемой нами лингвистической системы. Следовательно, мир познаваем только через языковые формы, и представления человека о мире не могут отразить реальность, которая существует за пределами языка; они могут быть соотнесены только с другими языковыми выражениями. Язык, таким образом, отделен от контактов с внешними обозначениями.

3. Эти направления мысли отвергают положение о со-

циальной целостности, как и понятие о причинности, будучи отверженными разнообразием, плюрализмом, фрагментарностью и неопределенностью и отрицая идею объективной истины.

4. Все они ставят под сомнение рациональный, единый субъект, который был основой западной мысли, начиная с эпохи Просвещения, предпочитая рассматривать его как социально и лингвистически фрагментированный³.

5. Собственно лингвистические и психологические исследования этого периода, в частности, новый взгляд на понятие *категория*, возникший под влиянием работ Э. Рош, также стимулировали пересмотр базовых философских понятий и отказ от большого числа традиционных представлений, свойственных картезианской логике, и, следовательно, новое осмысление лингвистических задач. На взгляд Дж. Лакоффа, приходится отказываться от значительного количества традиционных воззрений, в том числе от следующих:

- значение основывается на истинности и референции; оно касается отношения между символами и вещами в мире;
- биологические виды представляют собой естественные роды, определяемые общими сущностными свойствами;
- мышление отделено от тела и независимо от него;
- эмоции не имеют концептуального содержания;
- грамматика – выражение чистой формы;

³ С. Смит. Постмодернизм и социальная история на западе: проблемы и перспективы // Вопросы истории. 1997. № 8. С. 154–155.

– разум трансцендентален, в этом смысле он превосходит свойственный человеку способ мышления;

– существует истинный взгляд на мир (присущий Богу) – это единственный, внешний по отношению к человеческому познанию способ понимания того, что есть объективная истина;

– в процессе мышления все люди используют одну и ту же концептуальную схему⁴.

Эти постулаты «так или иначе связаны с классической интерпретацией понятия категории. Отказ от нее влечет за собой и отказ от других концептов. Они должны быть заменены представлениями, которые не только более точны, но и более человечны»⁵.

Таким образом, доказывается зависимость сознания индивида от стереотипов своего языка. Предполагается, что в сознании каждого запечатлена некоторая совокупность текстов, которые и определяют отношение человека к действительности и его поведение и опосредуются дискурсивной практикой. Вследствие этого языку придается исключительно важное значение, а лингвистика становится одной из центральных наук, так как сознание индивида уподоблено тексту: человек как субъект «растворяется в текстах-сознаниях,

⁴ Дж. Лакофф. Когнитивная семантика (из книги «Женщины, огонь и опасные предметы») // Язык и интеллект. М., 1996. С. 148.

⁵ Дж. Лакофф. Указ. соч. С. 149.

составляющих великий интертекст культурной традиции»⁶.

Существенное место в идеологии постмодернизма занимают вопросы пола. Экзистенциальный статус личности базируется прежде всего на таких сущностных категориях, как возраст и пол. Так, согласно идее Дерриды, система ценностей и взгляд на мир осуществляются с позиции «европейских белых мужчин». Иными словами, все сознание современного человека, независимо от его пола, насквозь пропитано идеями и ценностями мужской идеологии с ее приоритетом мужского начала, логики, рациональности и объектностью женщины. Распространению этой идеи способствовали известная книга Симоны де Бовуар «Второй пол», а также «Воля к знанию» Фуко, задуманная как первый том «Истории сексуальности» и показавшая, как социальное доминирует над биологическим даже в такой «природно обусловленной» сфере, как отношения полов. Феминисты выдвинули тезис о господстве в обществе патриархата и о том, что все тексты и дискурсивные практики навязывают индивидам именно патриархатные, т. е. мужские ценности.

Исходя из приоритета языка, в зарубежной лингвистике оформилось гендерологическое направление, рассматривавшее, с одной стороны, зафиксированные в языке стереотипы фемининности и маскулинности, а также гендерные асимметрии, а с другой – особенности речевого поведения муж-

⁶ И. П. Ильин. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М., 1996. С. 225.

чин и женщин.

Названные факты убеждают в том, что интерес к гендерным исследованиям и их интенсивное развитие возникли не случайно, а являются одной из составляющих новой, постмодернистской концепции гуманитарной науки.

II.

В настоящее время внутри гендерных исследований выделяется ряд направлений, связанных с идеологическими установками авторов и с историческим развитием самих гендерных исследований. В историческом ракурсе различают три этапа их формирования⁷:

1. «Алармистский» этап. Основное внимание уделялось андроцентрическому отклонению в общественных науках, критике интерпретационных возможностей социальной теории, изложенной с мужской точки зрения, акцентировалась дефектность традиционной патриархатной эпистемологии. Такая постановка вопроса получила свое развитие в первую очередь в постмодернистских трудах. Создавалась общеметодологическая база дальнейших исследований: развивались теории социального конструктивизма и символического интеракционизма. Так, в трудах И. Гофмана обоснованы ин-

⁷ Подробнее см.: Д. Кандиоти. Эволюция гендерных исследований: Обзор // Женщины и социальная политика (гендерный аспект). М.: ИСЭПН, 1992. С. 156–163.

ституционализация и ритуализация пола, показана роль социальных структур в формировании гендерной идентичности. Параллельно в самой лингвистике развивались новые направления – прагматика, социолингвистика и др., в центре внимания которых были феномены, не рассматривавшиеся ранее или изучаемые недостаточно в границах структурализма: отношения единиц языка и говорящей личности, функционирование языка в различных социальных группах. Социолингвист У. Лабов обосновал и эмпирически, с применением статистических методов, подтвердил вероятностный характер различий в использовании языка мужчинами и женщинами.

2. Этап «феминистской концептуализации». Его главной целью была разработка отчетливых ориентиров в феминистской теории и практике. В этот период создаются несколько направлений феминистски ориентированной науки (феминистский психоанализ, феминистская лингвистика), не скрывающих своей идеологической ангажированности. Активно осваивается постмодернистская теория для обоснования феминистского мировоззрения и исследований.

В конце 60-х – начале 70-х гг. XX в. гендерные исследования в языке получили мощнейший импульс благодаря так называемому Новому женскому движению в США и Германии, в результате чего в языкознании возникло своеобразное направление, названное феминистской лингвистикой (ФЛ), или феминистской критикой языка. Главная цель фе-

министской лингвистики состоит в разоблачении патриархата – мужского доминирования в общественной и культурной жизни.

Основополагающей в области лингвистики стала работа Р. Лакофф «Язык и место женщины»⁸, обосновавшая андроцентричность языка и ущербность образа женщины в картине мира, воспроизводимой в языке. К специфике феминистской критики языка можно отнести ее ярко выраженный полемический характер, разработку собственной лингвистической методологии, привлечение к лингвистическому описанию результатов всего спектра наук о человеке (психологии, социологии, этнографии, антропологии, истории и т. д.), а также ряд успешных попыток влиять на языковую политику. Зародившись в США, наибольшее распространение в Европе ФЛ получила в Германии с появлением трудов С. Трёмель-Плётц «Linguistik und Frauensprache» и Л. Пуш «Das Deutsche als Männersprache». Существенную роль в распространении феминистской критики языка сыграли также идеи Ю. Кристевой.

Идеология феминизма часто рассматривается как одна из составляющих постмодернистской философии. Отсюда — ее повышенный интерес к феноменам языка. ФЛ, а также ведущие постмодернистские теоретики (Деррида) обратили внимание на неравномерную представленность в языке лиц раз-

⁸ Robin Lakoff. Language and women's Place // Language in Society. 1973. № 2. P. 45–79.

ного пола.

Язык фиксирует картину мира с мужской точки зрения, поэтому он не только антропоцентричен (ориентирован на человека), но и андроцентричен (ориентирован на мужчину): язык создает картину мира, основанную на мужской точке зрения, от лица мужского субъекта, с точки зрения мужской перспективы, где женское предстает главным образом в роли объекта, в роли «другого», «чужого» или вообще игнорируется, в чем и состоит феминистский «упрек».

ФЛ выделяет следующие признаки андроцентризма:

1. Отождествление понятий «человек» и «мужчина». Во многих языках Европы они обозначаются одним словом: *man* в английском, *homme* во французском, *Mann* в немецком. В немецком языке есть и еще одно обозначение – *Mensch*, но и оно этимологически восходит к древневерхне-немецкому *mannisco* — «мужской», «относящийся к мужчине». Слово *der Mensch* мужского рода, но иронически может употребляться по отношению к женщинам с артиклем среднего рода – *das Mensch*.

2. Имена существительные женского рода являются, как правило, производными от мужских, а не наоборот. Им часто сопутствует негативная оценочность. Применение мужского обозначения к рефренту-женщине допустимо и повышает ее статус. Наоборот, номинация мужчины женским обозначением содержит негативную оценку.

3. Существительные мужского рода могут употребляться

не-специфицированно, т. е. для обозначения лиц любого пола. Действует механизм «включенности» в грамматический мужской род. Язык предпочитает мужские формы для обозначения лиц любого пола или группы лиц разного пола. Так, если имеются в виду учителя и учительница, достаточно сказать «учителя». Таким образом, считает ФЛ, в массе случаев язык игнорирует женщин.

4. Наименования одних и тех же профессий в мужском и женском вариантах неравноценны – *врач / врачиха, секретарь / секретарша*. Для обозначения профессий, имеющих низкий социальный престиж, часто существуют только фемининные формы – *уборщица, техничка*, – а для обозначения видов деятельности с высоким статусом – только мужские: *отцы города, государственный муж*.

5. Синтаксическое согласование происходит по форме грамматического рода соответствующей части речи, а не по реальному полу референта:

Нем. *Wer hat hier seinen Lippenstift vergessen?* букв.: *Кто забыл здесь его помаду?* – хотя речь идет о женщине.

6. Фемининность и маскулинность разграничены резко – как полюса – и противопоставлены друг другу, в качественном (положительная и отрицательная оценка) и в количественном (доминирование мужского как общечеловеческого) отношении, что ведет к образованию гендерных асимметрий.

Эта тематика особенно подробно разработана на матери-

але английского и немецкого языков.

В ФЛ различают два течения: первое относится к исследованию языка с целью выявления «асимметрий в системе языка, направленных против женщин»⁹. Эти асимметрии получили название языкового сексизма. Речь идет о патриархатных стереотипах, зафиксированных в языке и навязывающих его носителям определенную картину мира, в которой женщинам отводится второстепенная роль и приписываются в основном негативные качества. В рамках этого направления исследуется, какие образы женщин фиксируются в языке, в каких семантических полях представлена женщина и какие коннотации сопутствуют этому представлению. Анализируется также языковой механизм «включенности» в грамматический мужской род: язык предпочитает мужские формы, если имеются в виду лица обоего пола.

На взгляд представителей этого направления, механизм «включенности» способствует игнорированию женщин в картине мира. Исследования языка и сексистских асимметрий в нем основываются на гипотезе Сепира-Уорфа: язык не только продукт общества, но и средство формирования его мышления и ментальности. Это позволяет представителям ФЛ утверждать, что все языки, функционирующие в патриархатных и постпатриархатных культурах, суть мужские языки и строятся на основе мужской картины мира. Исхо-

⁹ S. Trömel-Plötz. *Frauensprache: Sprache der Veränderung*. Frankfurt am Main, 1982. S. 137.

дя из этого, ФЛ настаивает на переосмыслении и изменении языковых норм, считая сознательное нормирование языка и языковую политику целью своих исследований.

Именно к этому периоду относится возникновение понятия *gender* как концепта, альтернативного названным двум категориям (*genus* и *sexus*), призванного подчеркнуть социальный характер отношений между полами и исключить биологический детерминизм, имплицитно присутствующий в понятии *sexus*, которое связывает социальное предназначение и ожидания в отношении поведения индивида с его биологическими свойствами.

Вторым направлением ФЛ стало исследование особенностей коммуникации в однополых и смешанных группах. Эти исследования характеризуются широким охватом: анализируются самые разные аспекты ведения аргументативных диалогов – телевизионные ток-шоу, диалоги врачей и пациентов, речевое общение в семье и т. д. В основе исследований лежит предположение о том, что на базе патриархальных стереотипов, зафиксированных в языке, развиваются разные стратегии речевого поведения мужчин и женщин. ФЛ дополняет теорию речевых актов Остина-Серля данными, существенными для интерпретации высказываний: выражением в речевых актах власти и доминантности, по-новому формулирует условия соблюдения принципа кооперации Грайса, расширяет представления о коммуникативных неудачах, относя к ним прерывание говорящего, невозмож-

ность завершить высказывание, утрату контроля над тематикой дискурса, молчание и ряд других параметров. Все это можно считать ценным вкладом в анализ дискурса.

Были установлены, например, некоторые отличительные черты женского речевого поведения¹⁰:

– женщины чаще прибегают к уменьшительным суффиксам;

– для женщин более типичны косвенные речевые акты; в их речи больше форм вежливости и смягчения, например, утверждений в форме вопросов, иллокуции неуверенности при отсутствии самой неуверенности;

– в речевом поведении женщин отсутствует доминантность, они лучше умеют слушать и сосредоточиться на проблемах собеседника;

– в целом речевое поведение женщин характеризуется как более «гуманное».

Однако именно этот факт, на взгляд представителей феминистской лингвистики, имеет при общении в смешанных группах отрицательные последствия для женщин. Их предупредительное, неагрессивное и вежливое речевое поведение укрепляет сложившиеся в обществе убеждения и ожидания того, что женщины слабее, неувереннее и в целом менее компетентны.

Таким образом, женская коммуникация по сравнению с

¹⁰ *Dietrich Homberger. Männersprache – Frauensprache: Ein Problem der Sprachkultur? //Muttersprache, 1993.193. S. 89—112.*

мужской оказывается «дефицитной».

ФЛ подвергла сомнению гипотезу «дефицитности» женской коммуникативной интеракции, выдвинув на ее место гипотезу «различий». В этой связи критически были осмыслены выводы Р. Лакофф (в указанной выше работе) о ситуации «двойной связанности» (double bind), в которую попадают женщины при коммуникации в смешанных группах: типично «женские» тактики речевого поведения (уступчивость, кооперативность, более редкое по сравнению с мужчинами употребление директивных речевых актов и более частое использование речевых маркеров неуверенности при отсутствии самой неуверенности, высказывание утверждений в форме вопросов и т. д.) не способствуют восприятию содержания сообщений, создавая впечатление неуверенности и некомпетентности. Если же женщины пользуются мужскими тактиками, которые, по Лакофф, характеризуются настырностью, меньшей кооперативностью, частым использованием директивных речевых актов, то они воспринимаются как неженственные и агрессивные, что, в интерпретации ФЛ, вызвано несоответствием такого коммуникативного поведения стереотипам распределения ролей в обществе. В этой связи были разработаны специальные тактики, помогающие женщинам быть «услышанными».

В лингвистике не прекращается полемика вокруг теоретических положений ФЛ и их практической реализации. Однако следует признать, что в области языковой политики ФЛ

добилась серьезных успехов¹¹.

3. «Постфеминистский» этап характеризуется эмпирической проверкой идей, высказанных представителями ранней ФЛ, появлением «мужских исследований», кросскультурного и лингвокультурологического исследования гендера, привлечением к анализу материала большого количества языков и новым осмыслением методологических проблем. Основной задачей становится анализ того, как гендер присутствует, конституируется и воспроизводится в социальных процессах. В область гендерного анализа включаются оба пола, их отношения и взаимосвязи с социальными системами разного уровня.

Особенно серьезной критике в этот период подверглись ранние пресуппозиции феминистского подхода к изучению коммуникативной интеракции мужчин и женщин¹², что связано с умозрительностью или недостаточной эмпирической обоснованностью ранних исследований.

Первоначально феминистская лингвистика исходила из того, что женское речевое поведение способствует поддер-

¹¹ Подробнее см.: А. В. Кирилина. Феминистское движение в лингвистике Германии // Теория и практика изучения языков: Межвузовский сборник. Сургутский гос. ун-т. Сургут, 1997. С. 57–62.

¹² S. Gal. Between speech and silence: The problematics of research on language and gender // Papers in Pragmatics. 1989. № 3. Y. 1. P. 1—38; St. Hirschauer. Dekonstruktion und Rekonstruktion: Pladoyer für die Erforschung des Bekannten // Feministische Studien. 1993. № 2. S. 55–68; H. Kothhoff. Die Geschlechter in der Gesprächsforschung. Hierarchien, Theorien, Ideologien // Der Deutschunterricht. 1996. № 1. S. 9—15.

жанию зависимого статуса и является наглядным примером воспроизводства патриархатных отношений. При этом был допущен ряд методологических ошибок, обнаружить которые удалось посредством эмпирических исследований гендерных аспектов коммуникации. К числу таких заблуждений относят: интенционализм, приписывание фактору пола чрезмерной значимости, игнорирование роли контекста, недооценку качественных методов исследования и гиперболизацию роли гендерно специфичных стратегий и тактик общения в детском и подростковом возрасте¹³.

Интенционализм (намеренное стремление доминировать в коммуникации)

Доминирование мужчин осмыслено представителями ФЛ в несколько упрощенном виде: вследствие господства патриархата мужская самооценка выше, мужчины в большей мере, чем женщины, обладают социальным престижем и властью. Мужское доминирование реализуется в числе прочего в определенном речевом поведении, описать которое можно на уровне ряда микрофеноменов – длины речевых отрезков, частоты перебиваний, наложений речевых отрезков друг на друга, контроля за тематикой дискурса, предоставления / непредоставления слова и т. д. Все это, как утверждала ФЛ, является намеренным и осознанным проявлением борь-

¹³ *H. Kotthoff. Die Geschlechter in der Gesprächsforschung. Hierarchien, Theorien, Ideologien // Der Deutschunterricht. 1996. № 1. S. 9—15.*

бы за власть со стороны мужчин.

Однако на взгляд С. Хиршауера¹⁴ перманентная интенциональность для поддержания гендерного статуса не требуется, что объясняется с позиций социального конструктивизма: социальные институты (школа, церковь, армия и т. д.) принимают на себя поддержание гендерной иерархии, в том числе сохранение мужского доминирования. Следовательно, у индивида нет необходимости постоянно воспроизводить его во всех ситуациях.

Гиперболизация значимости категории «пол»

Ранние феминистские исследования исходят из того, что пол – это определяющий (омнирелевантный) фактор самоидентификации личности. Согласно Уэст и Зиммерман,¹⁵ конструирование индивидом своей гендерной идентичности – *doing gender* – перманентный процесс, пронизывающий все действия индивидов. Напротив, Хиршауер показал, что весьма распространены ситуации и контексты, когда пол нерелевантен для общения, и предложил учитывать фактор «гендерной нейтральности» (*Geschlechtsneutralitat*), так как:

1. Нет оснований придавать гендеру больше значимости, чем фактору возраста, этнической и социальной принадлеж-

¹⁴ *St. Hirschauer*. Dekonstruktion und Rekonstruktion. Pladoyer für die Erforschung des Bekannten // *Feministische Studien*. 1993. № 2. S. 55–68.

¹⁵ *К. Уэст, Д. Зиммерман*. Создание гендера (*doing gender*) // *Гендерные тетради*. Вып. 1. СПб., 1997. С. 94—124.

ности, уровню образования, профессии и т. д. Все эти факторы также входят в число идентификационных категорий, которые в определенных типах ситуаций выступают на первый план. Автор предлагает наряду с термином *doing gender* также термин *undoing gender* для ситуаций, где пол коммуникантов не значим. Кроме того, ряд исследований показывает, что названные параметры в большинстве случаев взаимодействуют, поэтому определить, где заканчивается влияние одного и начинается воздействие другого, весьма затруднительно. Так, установлено, что вежливый, нацеленный на сотрудничество и в целом корректный стиль характерен как для женского общения, так и для общения среди лиц с высоким социальным статусом¹⁶.

2. Эмпирически сложно установить, как происходит гендерная самопрезентация (*Selbstdarstellung*), в каких случаях она выступает на передний план, а когда не играет роли.

С. Хиршауер настаивает на дискретном характере процесса конструирования гендерной идентичности (*doing gender*), исключая его имманентное присутствие. Х. Коттхофф предлагает для обозначения этого процесса термин «градуированная релевантность» (*Relevanzgraduierung*)¹⁷.

¹⁶ *H. Kotthoff. Unruhe im Tabellenbild? Zur Interpretation weiblichen Sprechens in der Soziolinguistik // S. Günthner, H. Kotthoff (Hrsg.). Die Geschlechter im Gespräch: Kommunikation in Institutionen. Stuttgart, 1992.*

¹⁷ *H. Kotthoff. Die Geschlechter in der Gesprächsforschung. Hierarchien, Theorien, Ideologien // Der Deutschunterricht, 1996. № 1. S. 9—15.*

Недооценка роли контекста

Пресуппозиция имманентного проявления гендера в речевом поведении независимо от контекста не подтвердилась. Убедительно удалось доказать для западноевропейских стран лишь стабильность интонационного рисунка: мужчины стремятся избегать выраженной эмфазы, так как в западноевропейской культуре она считается признаком женственности и экзальтированности. При этом гомосексуальные мужчины широко используют такую интонационную модель в качестве сигнала своей нетрадиционной ориентации.

На взгляд современных исследователей, вопрос состоит сегодня не в том, как говорят мужчины или женщины, а в том, каким образом, при помощи каких речевых средств, тактик и стратегий они создают определенные контексты. Далее необходимо изучать параметры этих контекстов и их влияние на успешность коммуникации.

Гиперболизация усвоения в детском и подростковом возрасте гендерно специфичных стратегий и тактик общения (гипотеза «гендерных субкультур»)

В конце 80-х – начале 90-х гг. возникла гипотеза «гендерных субкультур», восходящая к работе Гамперца¹⁸ по исследованию межкультурной коммуникации, а также к более ранним работам по этнологии, этнографии, истории культу-

¹⁸ /./ Gumperz. Discours Strategies. Cambridge, 1982.

ры. В трудах Мальца и Боркер¹⁹ и Д. Таннен (см. в наст, изд.) принцип межкультурной коммуникации распространен на гендерные отношения. Согласно их предположению в лингвистическом аспекте женщины и мужчины переживают языковую социализацию по-разному, так как в детстве находятся большей частью в разнополых группах, где приняты разные правила речевого поведения. Различие состоит в усвоении типичных для таких групп гендерных конвенций и стратегий коммуникации. Из-за различия культурно обусловленных интерпретационных конвенций нарушается понимание высказываний, что при вербальном общении мужчин и женщин провоцирует неадекватную реакцию и ведет к коммуникативным неудачам.

В этом случае ученые отказались от принципа интенционализма, поставив в центр изучения процессы социализации индивидов мужского и женского пола. Социализация индивида рассматривалась как присвоение им определенной субкультуры, которой свойственны особые речевые практики, разные в мужской и женской среде. Мужчины и женщины в детском и подростковом возрасте возвращаются преимущественно в однополых группах, образуя субкультуры и усваивая свойственный им речевой этикет, стратегии и тактики. В дальнейшем это ведет к непониманию и речевым конфлик-

¹⁹ D. N. Maltz, R. A. Borker. MiBverständnis zwischen Männern und Frauen – kulturell betrachtet // Günthner, Kotthoff (Hrsg.). Von fremden Stimmen. Weibliches und männliches Sprechen im Kulturvergleich. Frankfurt am Main, 1991. S. 52–74.

там, которые приравниваются к межкультурным.

Исследования мужской и женской коммуникации обусловили появление понятия «гендерлект» – постоянного набора признаков мужской и женской речи. Однако исследования последних лет все четче подвергают сомнению правомерность признания гендерлекта²⁰. Роль культурного фактора в этом случае сильно преувеличена. Различия в мужской и женской речи не столь значительны, не проявляют себя в любом речевом акте и в целом не свидетельствуют, что пол является определяющим фактором коммуникации, как это предполагалось на начальном этапе развития феминистской лингвистики. Сегодня признается лишь наличие некоторых стилистических особенностей мужской и женской речи; эти особенности носят вероятностный характер и зависят от ситуации общения.

Преобладание квантитативных (количественных) методов исследования

По данным Х. Коттхофф, при исследовании гендерных аспектов коммуникации в ФЛ в настоящее время преобладают количественные методы, наиболее популярным из которых является подсчет длительности речевых отрезков, количества перебиваний и смен тем диалога. Однако сами по себе эти характеристики не могут считаться показательными, так

²⁰ I. Samel. Einführung in die feministische Sprachwissenschaft. Berlin, 1995. S. 224.

как зависят от контекста и приобретают значимость лишь во взаимодействии с иными феноменами, зависящими от культурных традиций данного общества. Поэтому больше внимания должно быть уделено качественным методам эмпирического изучения культуры и общества.

Важную роль в преодолении крайностей сыграла и разработка новых теорий личности и социального взаимодействия. Современные теории социальной идентичности рассматривают гендер как «разыгрываемый» или конструируемый в ходе коммуникативного взаимодействия феномен²¹. Теория коммуникативной адаптации²² предполагает варьирование индивидами выбора языкового регистра в зависимости от их социальных целей. Так, говорящий может акцентировать или «затушевать» некоторые параметры своей личности в целях солидаризации с собеседником или дистанцирования от него. Следовательно, коммуникативная ситуация может оказывать глубокое воздействие на дискурс, что подтверждает интерактивную природу конструирования идентичности. В любом случае, однако, рассмотрение гендерных

²¹ M. J. Collier, M. Thomas. Cultural identity: An interpretive perspective // Y. Y. Kim, W. B. Gudykunst (eds). *Theories in intercultural communication*. Newbury Park, 1988. P. 99—122; Coupland J. Dating advertisements: Discourses of the commodified self // *Discourse and Society*, 1996. № 7. P. 187—207.

²² J. K. Burgoon, L. A. Stem, L. Dillman. *Interpersonal adaptation: Diadic interaction patterns*. New York: Cambridge University Press, 1995; H. Giles, N. Coupland, J. Coupland. *Accommodation theory: Communication, context, and consequence* // H. Giles, J. Coupland, N. Coupland (eds). *Contexts of accommodation: Developments in applied sociolinguistics*. Cambridge, UK, 1991. P. 1—68.

аспектов языка и коммуникации вне культурного контекста нельзя считать научным. Особенности гендерного концепта в разных языках и культурах, их несовпадение, а также последствия этого несовпадения в межкультурной коммуникации также представляют большой интерес для ученых.

Сегодня интенсивно разрабатывается общенаучная модель описания гендера, применимая в отдельных частнонаучных областях. Так, отмечается три типа интерпретации пола: *реистическая* (вещественную, которая рассматривает пол как группы людей), *атрибутивная* (приписывающая полу определенный свойства, которые в обществе принято демонстрировать при помощи уже упоминавшегося гендерного дисплея) и *реляционная* (в фокусе которой находятся взаимоотношения полов, отношения власти и подчинения, асимметрии и т. д.)²³.

В развитие идей американского историка Джоан Скотт Л. П. Репина предлагает модель научного исследования гендера, включающую четыре подлежащих анализу комплекса: «1) культурно-символический, 2) нормативно-интерпретационный, 3) социально-институциональный, 4) индивидуально-психологический. Иными словами, выстраивается... синтетическая модель, в фундамент которой закладываются характеристики всех возможных измерений социума: си-

²³ О. В. Рябое. «Матушка-Русь»: Опыт гендерного анализа поисков национальной идентичности России в отечественной и западной историософии. М.: Ладомир, 2001.

стемно-структурное, социокультурное, индивидуально-личностное»²⁴.

Гендерные отношения пронизывают большинство сфер человеческой деятельности, поэтому изучение гендера – *гендерология*, – носит междисциплинарный характер и предусматривает четкое понимание того, что представляет собой *гендерный подход*. Гендерный подход «основан на идее о том, что важны не биологические или физические различия между мужчинами и женщинами, а то культурное и социальное значение, которое придает общество этим различиям»²⁵.

Как показано выше, теории, сформировавшиеся в результате привлечения к лингвистическому описанию информации, полученной психологией, биологией познания, культурологией, философией и рядом других антропоориентированных наук, изменили точку зрения на традиционный подход, при котором познание – это формирование новых ментальных репрезентаций, отображающих реальность. Согласно концепциям, возникшим под влиянием трудов У. Матураны, Дж. Лакоффа и нового осмысления идей Гуссерля и Хайдеггера, основная функция языка состоит не столько в передаче информации и осуществлении референции к независимой от него реальности, сколько в ориентации личности

²⁴ Л. П. Репина. Женщины и мужчины в истории: Новая картина европейского прошлого: Очерки. Хрестоматия. М.: РОССПЭН, 2002.

²⁵ Словарь гендерных терминов / Под ред. А. А. Денисовой. Региональная общественная организация «Восток – Запад: Женские инновационные проекты». М.: Информация – XXI век, 2002. С. 24.

в ее собственной когнитивной области, т. е. язык рассматривается как система ориентирующего поведения, в которой коннотация играет решающую роль. Значимость индивидуальных параметров говорящего субъекта в связи с этим существенно возрастает.

Пол человека – одна из его важнейших как экзистенциальных, так и общественно значимых характеристик, во многом определяющая социальную, культурную и когнитивную ориентацию личности в мире, в том числе посредством языка. Общий для многих лингвистических направлений принцип «Человек в языке», установление и описание механизмов антропоориентированности языка вполне согласуются с учетом гендерного фактора. Более того, гендерный подход позволяет сделать еще один шаг вперед и не только описать антропоцентричную систему языка, но и изучить возможности и границы ее подсистем, связанных с мужественностью и женственностью как двумя ипостасями человеческого бытия. Антропоориентированный подход к исследованию языка и коммуникации тесно связан с когнитивной научной парадигмой и позволяет приписать мужественности и женственности статус концептов. Еще одним важным фактором изучения маскулинности и фемининности является признание их не только когнитивно, но и культурно обусловленными сущностями и перенесение их изучения в область лингвокультурологии и других наук, связанных с исследованием культуры и общества, а также в сферу взаимодействия куль-

тур и их отдельных представителей.

В свою очередь, гендерный подход основывается на ряде методологических принципов, важнейший из которых – релятивизация пола, т. е. отказ от биодетерминизма и интерпретация гендера как социально и культурно конструируемого феномена. Признание культурной обусловленности пола, его институциональности и ритуализованного характера ведет и к признанию его *конвенциональности*, неодинаково проявляющейся как в различных культурных и языковых сообществах, так и на различных этапах их развития. Все это позволяет подойти к феноменам *мужественность* и *женственность* не как к неизменной природной данности, а как к динамическим, изменчивым продуктам развития человеческого общества, поддающимся социальному манипулированию и моделированию и подверженных сильнейшему влиянию культурной традиции.

Из признания методологического принципа конструируемости, конвенциональности и относительной автономности гендера от биологического пола следует обращение к анализу языка с целью выявления в нем манифестации гендера, его динамики и культурной специфики. Сформировавшись в период возникновения постмодернистской философии и во многом разделяя ее положения, гендерология обращается к структурам языка, признавая их значимую роль в механизмах культурной репрезентации пола, что делает лингвистику одной из важнейших научных дисциплин, с помощью ко-

торых может быть осуществлен процесс познания гендера. Исследованию в гендерном аспекте поддаются практически все области языка как системы и языка в его функционировании.

Гендер является компонентом как коллективного, так и индивидуального сознания, поэтому его необходимо изучать как когнитивный феномен, проявляющийся как в стереотипах, фиксируемых языком, так и в речевом поведении индивидов, осознающих себя, с одной стороны, лицами определенного пола, с другой – испытывающих определенное давление аксиологически не нейтральных структур языка, отражающих коллективное видение гендера.

И, наконец, следует осмыслить, что же меняет в лингвистическом описании применение понятия *гендер*. Гендерный концепт позволяет исследовать более широкий круг вопросов и взглянуть по-новому на знакомый феномен пола. Если категория *пол (sexus)* значима для анализа семантики ряда лексических единиц, где пол является компонентом значения, то гендерные исследования в языкознании охватывают значительно более широкий круг вопросов, рассматривая конструирование мужской или женской идентичности как один из параметров говорящей личности, т. е. в рамках прагматики. В этом случае гендер осмысливается как конвенциональная сущность, в чем и состоит его главное отличие от пола как биологической категории. Гендерный подход предполагает также исследование отражения гендерных отноше-

ний в истории языка, изучение пола как культурной репрезентации в лингвокультурологии; лексикографическое кодирование соответствующих единиц языка и т. д.

Соотношение понятий *sexus* и *gender* может быть раскрыто в языкознании следующим образом. Природный пол (*sexus*) является компонентом значения лексических единиц, отражающих экзистенциальные параметры индивида. *Гендер* отражает одновременно процесс и результат «встраивания» индивида в социально и культурно обусловленную модель мужественности или женственности, принятую в данном обществе на данном историческом этапе. Таким образом, *гендер* является более широким понятием, для изучения которого необходимо исследовать значительно большее количество феноменов языка, нежели лишь те его единицы, в семантику которых входит компонент *пол*. В то же время сами экзистенциальные характеристики человека, в частности его пол, интерпретируются обществом в зависимости от того, как осознаются им понятия *мужественность* и *женственность*. Поэтому для изучения гендера интерес представляют и те единицы лексикона, где отражена природная сущность *sexus*, так как ее восприятие носителями языка является в значительной мере социально обусловленным и соответствует моделям мужественности или женственности, в которых принадлежность к биологическому полу составляет лишь первичный субстрат. Кроме того, «гендерный профиль» индивида может не совпадать с его природным полом.

Все это делает правомерным изучение зафиксированных в языке представлений о мужественности и женственности и связанных с ними моделей ориентирующего поведения индивидов.

Следует также учитывать, что гендерная концепция сложилась сравнительно недавно, в то время как понятие *пол* (*sexus*) отражено в наивной картине мира, в которой отсутствует понимание социокультурного субстрата пола. Язык фиксирует наивную картину мира. Гендер же – элемент современной научной модели человека: исследуя структуры языка, связанные с полом, лингвисты исходят сегодня из его социальной и культурной, а не только природной обусловленности. Но в самом языке, в его лексических значениях (на наш взгляд, за исключением научного дискурса) представлен именно пол (*sexus*). Следовательно, и те единицы языка, в значение которых входит компонент *пол*, могут быть рассмотрены с позиции гендерного подхода.

III.

Выше показаны смена методологических принципов изучения гендера и этапы развития гендерных исследований. Однако эти процессы в реальности обнаруживают значительно меньшую четкость, полны противоречий, характеризуются гетерохронностью освоения новых идей. Входящие в состав антологии произведения отражают эти сложности и да-

ют читателю возможность ознакомиться как с ранними трудами, так и с новейшими исследованиями и аналитическими обзорами гендерной проблематики в языкознании.

К публикации подготовлены переводы работ, имевших широкий резонанс в языкознании и по-новому позволивших подойти к проблеме «Язык и пол» (книги Дж. Коатс и Д. Таннен), а также новые статьи методологического (Д. Камерон), обзорного (Коттхофф, 2003) и прикладного характера (Б. Барон, 1996). Разнообразные подходы к гендерной проблематике, представленные в антологии, позволяют читателю как ознакомиться с наиболее значимыми трудами последних лет, так и проследить эволюцию методологических взглядов, что для лингвистических гендерных исследований является весьма серьезным вопросом в силу специфики их развития, – от «алармистской» ангажированности, свойственной ранней феминистской лингвистике до взвешенного и учитывающего современные теории личности и лингвистические инновации интеракционистского подхода. В антологии представлены не только переводы с американского варианта английского языка, т. е. труды американских лингвистических школ, но и менее известные (по причине меньшей доступности) отечественному читателю, но не менее ценные в научном отношении работы немецких исследователей. Авторы всех представленных в антологии произведений являются ведущими и широко известными специалистами в своей области.

Включенные в антологию труды касаются разнообразных направлений лингвистики и теории коммуникации. В исследовании Дж. Коатс «Женщины, мужчины и язык» (1986) в нескольких ракурсах рассматриваются проблемы социолингвистики: проводится аналитический обзор большого количества работ, предлагается новый метод интерпретации данных и убедительно демонстрируется влияние социокультурных факторов на использование языка мужчинами и женщинами.

Известная во всем мире книга Д. Таннен «Ты меня просто не понимаешь. Женщины и мужчины в диалоге» (1991) в популярной форме (что делает произведение интересным и для неспециалистов) раскрывает коммуникативные неудачи в повседневном общении людей противоположного пола и предлагает модель их объяснения, основанную на противопоставлении понятий статуса и взаимозависимости. Именно Д. Таннен была автором термина *гендерлект*, до настоящего времени обсуждаемого в научной литературе.

Прикладное исследование Б. Барон «Закрытое общество: Существуют ли гендерные различия в академической профессиональной коммуникации?» (1996) демонстрирует возможности гендерного подхода в исследовании речевого общения и коммуникативного взаимодействия. Автор рассматривает гендерную специфику выражения несогласия в университетских дискуссиях, предлагая четкую методику исследования и убедительно обосновывая последователь-

ность постановки научных задач. Помимо интересных результатов, в статье разработан научный алгоритм исследования особенностей мужской и женской коммуникации с учетом новейших данных лингвистики и теории коммуникации.

Д. Камерон посвятила свою статью «Теоретические дискуссии в феминистской лингвистике: вопросы пола и гендера» (1997) теоретическим проблемам – современным концепциям гендера, различиям в анализе языка и коммуникации, связанным с выбором той или иной теоретической модели. Статья этого автора, безусловно, будет весьма полезна не только начинающим исследователям, но и специалистам, так как касается круга вопросов, активно обсуждаемых в среде гендерологов.

Статья Х. Коттхофф «Гендерные исследования в прикладной лингвистике» представляет собой современный (2003) и обстоятельный аналитический обзор гендерной проблематики в языкознании на современном этапе. Необходимость включения такой работы в антологию очевидна и не требует комментария.

При составлении сборника был избран диахронический принцип: все труды расположены по времени их создания – от монографии Дж. Коатс (1986 г.) до обзора Х. Коттхофф (2003 г.). Такая структура соответствует логике развития гендерных исследований в языкознании и эволюции самой лингвистики в последние десятилетия.

Женщины, мужчины и язык

Дж. Коатс²⁶

Перевод с английского С. А. Коноваловой

²⁶ *Coates J. Women, men and language. Longman, 1991.*

Первая часть

Введение

Глава 1

Язык и пол

1.1. Введение

Существуют ли различия в речи мужчин и женщин? Моя книга – попытка ответить на этот вопрос. Мы рассмотрим проблему с точки зрения антропологии, диалектологии, социолингвистики и социальной психологии, чтобы, во-первых, доказать, что язык мужчин и женщин *действительно* отличается, а во-вторых, показать, *как* он отличается. Мы также попытаемся дать ответ на вопрос, который неизбежно возникнет: *Почему мужчины и женщины говорят по-разному?*

В настоящее время наблюдается рост интереса к социолингвистической вариативности, связанной с полом носителя языка. Однако немногие книги, имеющиеся в этой области, написаны с позиции американских исследователей и рассчитаны на массовую аудиторию. Статьи по этой проблематике разбросаны по научным журналам и не всегда лег-

ко доступны. Кроме того, отмечается появление отдельных разрозненных социолингвистических исследований, направленных на расширение наших знаний о половых различиях, анализирующих расслоение социальной группы или речь этнических меньшинств. Одна из главных целей книги – логически последовательно изложить изучаемую проблему, обобщить и систематизировать ранее написанные работы о половых различиях в языке и сделать их доступными для заинтересованного читателя. Книга предназначена для тех, кто занимается социолингвистическими исследованиями и намерен изучать детально один из аспектов, а также всем интересующимся изучением половых различий. В основе книги – социолингвистические исследования, проводимые в Британии на материале английского языка.

Книга представляет собой в первую очередь социолингвистическое описание взаимосвязи языка и пола. Ее содержание не касается отношения языка и сексизма, за исключением общих вопросов, и не затрагивает дискриминирующую функцию языка в отношении женщин, а описывает разное использование языка мужчинами и женщинами в речи.

Заметим, что в работе я намерена использовать термин «пол», а не «гендер». «Гендер» – это более точный термин: «пол» относят к биологическим различиям, а «гендер» является термином, используемым для описания социально сконструированных категорий, основанных на различиях полов ввиду того, что большинство обществ оперирует

понятиями «мужское» и «женское». Тем не менее термин «гендер» несовершенен из-за существования эквивалентного понятия в лингвистике. Грамматическая категория «род» в лингвистике служит для отнесения классов слов к мужскому – женскому – среднему роду; одушевленному – неодушевленному и т. д. Во французском языке, например, форма артикля изменяется в зависимости от рода существительного – la table (the table – женский), но le livre (the book – мужской). Строго говоря, книга об изменениях языка и гендера, но во избежание двусмысленности мы будем использовать термин «пол» (как и в большинстве социолингвистических работ)¹.

Мы начнем вводную главу с краткого изложения основных принципов социолингвистики, так как последующее изложение языковых различий мужчин и женщин будет представлено с применением категориального аппарата социолингвистики. После этого обзора последуют рассуждения о женщинах как социальной группе. В анализе социальной вариативности (как языковой, так и неязыковой) существует тенденция отрицания различий между мужчинами и женщинами. Если мы хотим исследовать способы различного употребления языка мужчинами и женщинами, то, несомненно, у нас должны быть некоторые соображения по поводу того, каким образом женщины как группа отличаются от мужчин как группы.

При рассмотрении вопроса о половых различиях в языке мнения лингвистов расходятся, поэтому в последующей ча-

сти главы я опишу два основных подхода, в основе которых лежат разные взгляды на статус женщин как группы.

1.2. Социолингвистика

Социолингвистика – это наука о языке в его социальном контексте. Изучение языка в социальном контексте означает непосредственное изучение **языковой вариативности**. В различных социальных ситуациях человек изъясняется по-разному – это явление мы называем **стилистической вариативностью**. К тому же говорящие, которые отличаются возрастом, полом, социальным классом, этнической группой, также будут отличаться друг от друга и речью даже в одном и том же контексте – это **социальная вариативность**. В сфере интересов социолингвистов находятся как стилистическая, так и социальная вариативность.

Социолингвисты проводят анализ речи, чтобы показать структурность, а не произвольность языковой вариативности: их целью является установление неоднородности типичного языкового сообщества. Если лингвисты-теоретики сосредоточиваются на исследовании идеальных высказываний идеального говорящего-слышащего в однородном языковом сообществе, то социолингвисты в качестве объекта изучения выбирают высказывания реального говорящего в реальном (гетерогенном) речевом сообществе.

В сфере научных интересов социолингвистов находится,

главным образом, **разговорная речь**. Под разговорной речью понимается речь, спонтанно используемая людьми, хорошо знающими друг друга. Социолингвисты разрабатывают различные способы получения данных разговорной речи: от анонимного экспресс-опроса до длительного наблюдения над участниками коммуникации. При анонимном экспресс-опросе исследователь под видом покупателя задает вопрос или вопросы, составленные с целью достижения социально значимой реакции, а затем осторожно фиксирует ответ в записной книжке. При проведении длительных наблюдений исследователь взаимодействует с группой информантов в течение долгого периода времени и становится настолько «своим», что на магнитофон уже не обращают внимания. Даже при проведении стандартного интервьюирования социолингвисты стремятся получить как формальный, так и неформальный стили общения, апеллируя к информантам, например, с просьбой рассказать историю из своей жизни: метод индивидуального изложения способствует снижению фактора само-осознанности в речи испытуемого. Такая методологическая изобретательность стимулировалась восприимчивостью социолингвистов к «парадоксу наблюдателя» (Observer's Paradox) – проблеме, с которой столкнулись исследователи, стремящиеся проводить наблюдения над поведением людей вне эксперимента.

Социолингвисты заимствовали методы исследований из естественных наук, таких, как ботаника, зоология, и других.

Информанты отбирались из произвольных источников, таких как список избирателей, чьи анкеты отражали состав общества по возрасту, полу, социальному классу и прочим параметрам. (В фокусе недавних социолингвистических работ находились социальные группы: в них отбор информантов не был случаен, он был оправдан целями таких исследований.) Лучшие социолингвистические исследования показали системное варьирование языковых форм в зависимости от социального ракурса, например социального класса говорящего.

Интерес социолингвистов к разговорной речи отражает их убеждение в том, что исследование языка должно охватывать речь всех членов сообщества, а не только отдельно взятого диалекта, используемого меньшинством. Социолингвисты рассматривают литературный английский (Standard English) всего лишь как один из вариантов английского, представляющий не больший и не меньший интерес, чем любая другая его разновидность. Лингвисты же, в отличие от социолингвистов, отталкиваются от предпосылки, что литературный английский язык – *это и есть* английский (это происходит из-за совпадения: данный вариант используется большинством лингвистов). Социолингвисты подвергают сомнению точку зрения **большинства**. Их внимание в равной степени направлено не только на все варианты функционирования языка, но и на факт наличия в нелитературных разновидностях языка собственной устойчивой фонологиче-

ской, морфологической, синтаксической и лексической систем. Таким образом, социолингвистический подход – это подход **меньшинства**.

Термины «большинство» (majority) и «меньшинство» (minority), употребленные здесь, относятся к разным подходам в отношении власти и контроля. Большое сообщество – то, которое обладает властью и контролем, а языки и диалекты большинства – те, которые используются большими сообществами. «Малый» – относительный термин. Малые общности и языки определяются в отношении к большим общностям и языкам. Настоящий термин не связан с количеством говорящих: может быть много говорящих на языках или диалектах малых общностей, но эти языки / диалекты не обладают таким же статусом, как языки / диалекты больших общностей. Для сравнения, основное направление лингвистики (Хомскианское – Chomskyan) может быть названо подходом большинства к языку, потому что оно сосредоточивается на языковых вариациях больших групп (властвующих), тогда как социолингвистика – подходом меньшинства, потому что фокусирует внимание на речи малых общностей (для дальнейшего обсуждения этих двух подходов см. [Deuchar & Martin-Jones 1982]).

1.2.1. Социолингвистика и женщины

Почему лишь недавно социолингвисты стали обращать внимание на взаимодействие языка и пола? Я хотела бы вы-

делить две причины, проистекающие из истории развития социолингвистики и ее связи с лингвистикой и диалектологией.

Во-первых, хотя социолингвисты и отказались от субъективного отбора информантов, типичного для традиционной диалектологии, все же изначально суть этого отказа состояла в предпочтении городских информантов сельским и молодых пожилым. Несмотря на то что информанты обоих полов становились объектами многих исследований, по-прежнему велись эксперименты только с испытуемыми мужского пола (например, исследования темнокожих подростков Гарлема [Labov 1972b]; наблюдения Рида над эдинбургскими школьниками [Reid, 1976]). Я не знаю ни одного социолингвистического исследования, объектом которого были бы только *женщины* как носители языка.

Во-вторых, смена акцента с литературных вариантов языка на нелитературные произошла вследствие реакции на основное течение лингвистики (мейнстрим), что сказалось на методе изучения малых общностей, описанном выше. Все виды малых социальных групп находились под пристальным вниманием исследователей, в частности, рабочие, этнические и подростковые группы. Женщины, однако, не воспринимались как малая социальная группа. Лингвистическая вариативность в совокупности с социальным классом, возрастом и этничностью – вот, что четко проявлялось в работах ранних социолингвистов. Как будет показано в четвертой

главе, многие ранние социалингвистические работы в основном освещали социальную стратификацию речи. Другим же видам вариативности уделялось меньше внимания. Это положило начало развитию социальных наук и росту женского движения, в центре внимания которого находились женщины как социальная группа, обладающая своими собственными правами.

1.3. Женщины как социальная группа

Женщины представляют собой довольно необычную социальную группу. Для сравнения обратимся к «нормальным» группам. Рассмотрим рабочий класс Белфаста, выходцев из Западной Индии в Британии или подростков Ридинга – социальные группы, которые достаточно выделяются и которые не раз становились объектами социалингвистического анализа [Milroy 1980; Edwards 1979; Cheshire 1982a]. Несмотря на то что эти группы имеют определенные четкие различия, они обладают следующими общими характеристиками.

1. Они ЛИБО живут вблизи друг друга, по соседству (такие дискретные гомогенные сообщества иногда называются «гетто»), ЛИБО у них есть определенное место встреч (подростки встречаются на игровых площадках, на дискотеках и в клубах).

2. У них заметная и отличная от других субкультура.

3. Члены группы признают существование своего объединения и подтверждают свою причастность к нему: принадлежность к группе является обязательной частью их идентичности.

Отметим, что члены больших групп также принимают данные условия. Например, районы Хэмпстеда в Лондоне или Клифтон в Бристоле иногда называют «гетто среднего класса», и такая большая группа, вне сомнения, обладает особой, отличной от других культурой. Так как эта группа является доминирующей, в ней отмечается неуважительное отношение к другим группам (иными словами, преобладающая группа воспринимается как нормальная или нейтральная, тогда как другие группы рассматриваются как отклонение от нормы). В результате культура большинства часто считается культурой всего общества. Например, литературный английский рассматривается как непосредственно английский язык.

Мужчины и женщины представляют собой специфичные социальные группы, характеризующиеся особыми чертами, так как в нашем обществе они стремятся к парному союзу, состоящему из одного мужчины и одной женщины: они никогда не живут на отдельных территориях (см. пункт 1), за исключением определенных обстоятельств. «В отличие от малых групп женщины не должны жить сообща в условиях, способствующих развитию коллективного группового сознания» [Williams & Giles 1978, 436]. Кроме того, если в других

социальных группах четко осознаются границы между «своими» и «чужими», что часто ведет к конфликтам (например, между выходцами из Западной Индии и белыми, между подростками и взрослыми), то мужчины и женщины склонны общаться друг с другом доброжелательно. По всей видимости, наиболее существенно следующее: до сих пор неясно в какой степени пол как категория значим для женщин и мужчин. В оппозиции «мужское-женское» «мужское» является немаркированным членом и, следовательно, для мужчин социальная группа может оказаться более значимой категорией, нежели пол.

Что касается женщин, то степень идентификации их как социально значимой группы возрастает. По мнению социальных психологов, люди устанавливают социальную идентичность исходя из своей принадлежности к той или иной социальной группе, но как было указано, значимость группы определяется только в сравнении с другими группами. Генри Тайфель, социальный психолог, разработавший теорию внутригрупповых взаимоотношений и социального изменения [Tajfel 1974; 1975; 1978; 1981] занимался, в частности, изучением групп, члены которых имели низкую самооценку. Это происходит, когда группа имеет низкий социальный статус и рассматривается в терминах отрицательной оценки, по сравнению с другой группой. Поскольку можно утверждать, что женщины действительно принадлежат к социальной группе такого типа (в нашем обществе их оцени-

вают – явно или скрыто – ниже мужчин, и, следовательно, они обладают более низким социальным статусом), то будет полезно проследить, какие прогнозы теория Генри Тайфеля делает в отношении социальных групп в такой позиции, каким образом она освещает положение женщин в современном обществе и то, как они используют язык².

Тайфель утверждает, что члены групп с низким социальным статусом («малых групп» по определению, представленному выше) могут либо принимать, либо отвергать свое низкое положение в обществе. Если они принимают его, то стремятся достичь самоуважения и позитивной самооценки, действуя индивидуально, а не как группа. Для таких людей существуют две позитивные стратегии: во-первых, они могут сопоставить себя с членами своей группы; во-вторых, они могут самостоятельно попытаться присоединиться к группе, имеющей более высокий статус. Если же они отказываются принять низкий социальный статус, то пробуют, действуя самостоятельно, как группа, изменить данное положение вещей. Тайфель подчеркивает три возможных способа достижения более высокого социального уровня (порядок стратегий, данных здесь, имеет тождественную историческую последовательность):

1. Попытка достичь равенства и перенять ценности большинства – эта стратегия называется ассимиляцией;
2. Стремление пересмотреть характеристики, первоначально определенные обществом как отрицательные, и пред-

ставить их в выгодном свете;

3. Стремление создать новые параметры для сравнения с доминирующей группой, устанавливая ценностные рамки и тем самым конструируя позитивный и четкий образ себя.

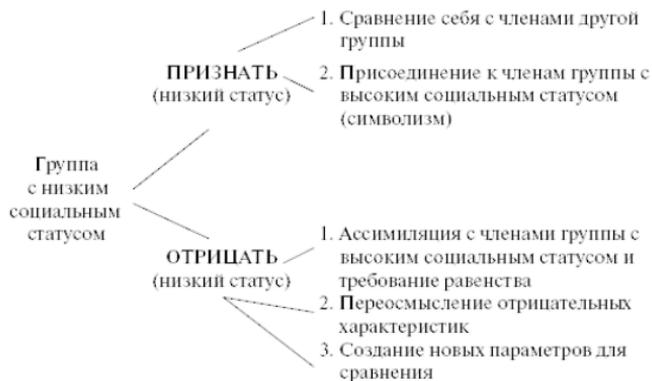
Таблица 1.1 представляет данную теорию в схематичной форме.

Насколько названная теория связана с истинным положением женщин в обществе сегодня? В прошлом женщины мирились со своим низким положением, позволяя группам более высокого социального статуса давать себе оценки и определения и принимая их как данность. Многие женщины и сегодня придерживаются такой позиции. Для создания положительного имиджа такие женщины сравнивают себя с *другими женщинами*. Значимыми параметрами для сравнения являются следующие занятия: шитье, приготовление пищи, забота о детях и собственная внешность. Потребность во внутригрупповом сравнении обусловило существование целой индустрии женских журналов. Женщины названного типа избегают сравнивать себя с мужчинами. Иногда женщина, в принципе согласная с низким статусом женщин как социальной группы, предпринимает попытку покинуть женскую группу и быть принятой мужчинами. (Описанная стратегия трудноосуществима для групп женщин и темнокожих, имеющих очевидные физические отличия от других групп, но, например, для групп рабочего класса она широко применима.) Время от времени эта стратегия осуществляется в дело-

вых и политических кругах – женщина успешно работает в мужском мире и по существу становится мужчиной. Однако, следуя этой стратегии, цели могут достигнуть только единицы, а не вся группа. Такое явление может быть названо *символизмом*.

Таблица 1.1

Теория внутригруппового взаимодействия и социального изменения Тайфеля

1. Ассимиляция с членами группы с высоким социальным статусом и требование равенства
2. Переосмысление отрицательных характеристик
3. Создание новых параметров для сравнения

В настоящее время женщины все больше осознают свой неравный социальный статус с мужчинами и все меньше готовы принимать такое положение дел. Соответствует ли тео-

рия Тайфеля их стремлениям изменить данное положение? Мы последовательно рассмотрим три предлагаемые стратегии и установим значимость каждой в поведении женщин в общем и в их языковом поведении в частности.

Ассимиляция

Совершенно очевидно, что в основном женщины применяют стратегию ассимиляции. Можно отметить определенный прогресс в достижении равных трудовых и законодательных прав: в 1970 г. был принят «Акт о равной оплате труда» и в 1975 г. – «Акт о половой дискриминации», также была учреждена комиссия по равным правам и возможностям, гарантирующая эффективное выполнение актов. Уильямс и Джайлз [Williams & Giles 1978], однако, считают, что усилие, предпринятое для изменения *явных* норм, фактически может отвлечь внимание от давно существующих *скрытых* норм, закрепляющих понятие низкого статуса женщин. Заметим, что если женщины добиваются успеха в какой-либо сфере деятельности, например в преподавании или секретарской работе, то в этой области значимость социального статуса снижается.

С точки зрения *языка* очевидно, что определенные группы женщин (занятые профессиональной или политической деятельностью) придерживаются этой стратегии.

Процесс ассимиляции с доминирующей группой происходит следующими способами:

1. Используется более низкая тональность голоса.
2. Употребляется бранная и табуированная лексика.
3. Заимствуется более напористая, самоуверенная манера общения.
4. Заимствуются просодические особенности типичные для мужчин (например, им более свойственно употребление нисходящей интонации, чем восходящей).
5. В обществе ведутся беседы на типично мужские темы: бизнес, политика, экономика.
6. Учащается нелитературное произношение (канал BBC – яркий тому пример).

Недостаток обсуждаемой стратегии заключается в том, что женщины переосмысливают себя с точки зрения *мужских* ценностей (ценностей доминирующей группы). Если женщина ищет собственное «я», то, вероятно, следует говорить об упущениях стратегии

Пересмотр отрицательных характеристик

Эта стратегия более изучена в отношении малых сообществ с широко известным примером в качестве лозунга «*Черный – значит красивый*». Положительная оценка того, что первоначально носило ярлык «плохой», также имеет очевидные языковые связи. Обратите внимание, например, на рост употребления западного варианта индийского язы-

ка, сложившегося на креольской основе, среди темнокожих подростков в Великобритании, и значение уэльского языка для уэльских сепаратистов.

Изменение отрицательного образа на положительный – довольно медленный процесс. Некоторые женщины начинают подчеркивать *ценность* для общества стереотипных женских качеств, таких как мягкость, забота о ком-либо, впечатлительность. Но в то же время они делают акцент на таких стереотипных мужских качествах, как самонадеянность, агрессивность, соперничество, которые не всегда полезны для общества. Понятие андрогиния (интеграция мужских и женских ролей) поддерживается³. С лингвистической точки зрения стратегия является довольно новой. Некоторые женщины выступают против равноценного употребления местоимения «*he*» и «*man*» – *он* и *человек*, утверждая, что это заведомо понижает статус женщин. Что касается использования языка, самым значимым сдвигом представляется оценка женщинами преимуществ партнерского, кооперативного общения в противовес соревновательным стратегиям ведения диалога. Исследования, выполненные в этой области, характеризуют речевое поведение мужчин как конкурентное, отвергающее мнение предыдущего говорящего и настойчиво навязывающее свою собственную точку зрения как единственно возможную. Женщинам в беседе с другими женщинами, наоборот, присущ согласованный стиль общения: в их речи больше дополнений, чем перебиваний, они склонны

больше к поддержанию диалога, перебивание собеседника нехарактерно для женской речи (см. разделы 6.5 и 9.2). Статьи, обсуждающие эти различия, отмечают, что женщины начинают ценить свой стиль общения и возмущаются, когда им навязывают мужскую модель ведения диалога при общении в смешанной группе (в названных трудах такие понятия как *gossip* — «болтливость, разговорчивость» рассматриваются позитивно). Считается, что женщины менее категоричны; присущий им кооперативный стиль общения они оценивают положительно, в то время как мужскую тактику диалога подвергают критике.

Создание новых параметров для сравнения

С недавних пор женщины стали инициаторами создания новых моделей общественных организаций. Отличительной чертой таких организаций является отсутствие явного названного лидера или организатора. Например, полиция или пресса, интересуясь лидерами женских миротворческих лагерей Британии, не раз были поставлены в тупик ответом об отсутствии таковых. В основе общественной организации такого типа лежит кооперативная тактика общения, имеющая ценность у женщин и описанная выше в своем языковом выражении. Общей чертой всех собраний женских комитетов и организаций является либо отсутствие места для ведущего как такового, либо он (ведущий) попеременно избирается от одной сессии к другой (обратим внимание на

то, что такие слова как *председатель* и *спикер* полностью запрещены). Иными словами, женщины формируют принципиально новые организационные модели. В них бесспорно включены различные лингвистические стратегии из числа тех, что предписаны традиционно мужским стилем ведения собраний с их четко определенным лидером, повесткой дня, регламентом и тщательно установленным порядком. Новая женская модель представляет собой более свободное, творческое и гибкое объединение и в любом случае отличается от мужской.

Из краткого описания женщин как социальной группы в свете теории Тайфеля мы смогли увидеть, что женщины по-прежнему находятся на раннем этапе процесса перемен. Не все женщины осознают несправедливость низкого социального статуса в обществе. Те, кто *действительно* считает свою зависимую позицию несправедливой, большей частью следуют стратегии ассимиляции: они работают над изменением законодательных и других социальных структур, способствующих установлению равноправного положения женщин. Как уже было сказано, хотя такого рода движения, возможно, являются существенной предпосылкой социальных изменений, длительное следование стратегии ассимиляции неэффективно для установления позитивной социальной идентичности, так как ассимиляция, по сути, означает признание норм доминирующей группы. Отказываясь принять нормы мужского общества и переосмысляя женские характери-

ки *положительно*, некоторые женщины передвигаются от второй стратегии Тайфеля к третьей. Но создание новой, положительной идентичности взамен старой и зависимой – это чрезвычайно медленный процесс, особенно в том случае, если доминирующая группа не принимает данного положения безоговорочно и стремится сохранить свой высокий статус.

1.4. Женщины, мужчины и язык

Мы рассмотрели природу социальных групп, природу зависимых (малых) групп в частности, а также способы, при помощи которых они пытаются изменить свой социальный статус. Мы охарактеризовали женщин как социальную группу, их положение в обществе и изменения их общественной позиции, происходящие в настоящий момент. Как мы сказали, перемены только начинаются. В книге достаточно много сказано об оценке общественной позиции мужчин и женщин. Это объясняется теми задачами, которые попытается решить социолингвистика – не только описать языковую вариативность и социальный контекст, в котором возникает изменение, но также показать, как эти изменения отражают социальную структуру. Социолингвистические исследования раскрывают не произвольность, а системность языковой вариативности, находящейся в прямой зависимости от общественных изменений, наблюдаемых в речи сообщества. Структурность социальной вариативности в речи сообще-

ства может быть интерпретирована более чем одним способом. Женщины как социальная группа, несомненно, *отличны* от мужчин. Как малая группа они рассматриваются с позиции *зависимых и слабых* (см. [Breakwell 1979]). Два основных подхода к половым различиям в языке отражают две точки зрения на статус женщин как социальной группы. Первый – подход **«различий»** – опирается на идею о принадлежности мужчин и женщин к разным субкультурам. Языковые изменения в речи мужчин и женщин интерпретируются как отражение субкультурных различий. (Сторонники данного подхода часто говорят о наличии «женского» и «мужского» языков.) Второй – подход **«доминирования»** – рассматривает женщин как зависимую группу и основу языковых изменений в речи мужчин и женщин видит в доминировании мужчин и зависимости женщин. Представляется, что оба подхода вносят ценный вклад в изучение природы половых различий в языке. Многие социолингвисты занимают компромиссную позицию (в следующих главах это будет освещено отдельно). Аргументы, касающиеся ценности этих подходов, приводятся в девятой главе.

Книга ограничивается анализом языковой вариативности, связанной с полом носителя языка. В ней описываются различия, обнаруживаемые в речи мужчин и женщин, и устанавливается зависимость изменений языка от социальных ролей, приписываемых обществом мужчинам и женщинам. Во второй главе раскрываются ранние представления

общества о половых различиях в языке. В третьей главе оценивается вклад антропологии и диалектологии в изучение половых различий. Анализируя научные труды, написанные до становления лингвистики как дисциплины, мы перейдем к детальному рассмотрению социолингвистических исследований половых различий в языке: в четвертой главе фокус научного внимания будет направлен на количественные социолингвистические исследования, в пятой – на исследования, включающие понятие *социальной сети*. В шестой главе мы рассмотрим те исследования, которые изучают языковое поведение мужчин и женщин в широком смысле коммуникативной компетенции: среди них перебивание и молчание в диалоге, формы ругательств и вежливости, различные виды внутригруппового взаимодействия. Три первых главы будут связаны с разъяснением социальных функций, так как факты, представленные в них, неизбежно приведут к вопросу «почему?». Предлагается много всевозможных интерпретаций различий пола и языка, и в дальнейшем все они будут аргументированы и обсуждены. В заключительной части книги под названием «Причинно-следственные связи» будут подробно рассмотрены три взаимосвязанных области: пол в усвоении детьми языка (глава 7), природа языкового изменения и роль половых различий в становлении этого изменения (глава 8) и, наконец, социальная значимость половых различий в языке в смешанной коммуникации среди взрослых и использование языка в школьной среде (глава 9).

1.5. От автора

Человек не имеет возможности выбрать свой пол: каждый из нас либо мужчина, либо женщина. Вы, читающие эту книгу, получите удовольствие от чтения и пополните свои знания о том, что сегодня есть речь мужчины, а что – речь женщины. Вы также обобщите и систематизируете свои познания о природе мужчины и женщины и, в частности, о женской и мужской речи. При осмыслении информации, представленной в книге, вам следует осторожно подходить к бытующим предвзятым мнениям и оценкам, а также и к своей собственной точке зрения. Также помните, что не только вы, читатель, имеете сомнения и предубеждения, но также и автор книги, и различные ученые, к чьим лингвистическим трудам в процессе работы над книгой я буду обращаться. Понятно стремление любой дисциплины с помощью ученых преодолеть предубеждения и объективно оценить новое научное знание, тем не менее не будет преувеличением сказать, что абсолютная объективность в такой близкой каждому из нас области, как вопросы языка и пола, вряд ли возможна.

Первым шагом к достижению гармонии и преодолению предвзятости мнений будет оценка того, какие различия между языком и полом являются фикцией, а какие реальностью. Первоначально для решения этого вопроса обратимся к исследованиям культурологической мифологии, связан-

ной с половыми различиями в языке. В следующей главе под названием «Исторические предпосылки (I) – наивная лингвистика и ранние грамматисты» мы непосредственно обратимся к предмету нашего изучения.

Примечания

1. Термин «гендер» используется в тех устойчивых словосочетаниях в которых отсутствует двусмысленность и нет возможности альтернативного выражения смысла (гендерная идентичность, гендерная роль).

2. Обращение к статье Уильямс и Джайлз «Изменения статуса женщин в обществе» (1978) обусловлено необходимостью рассмотрения проблемы с позиции социальной психологии.

3. См. [Bern 1974; Bern 1975].

Глава 2

Исторические предпосылки (I) – наивная лингвистика и ранние грамматисты

2.1. Введение

Различия между мужчинами и женщинами всегда были предметом обсуждения, и считалось, что предполагаемые в

их речи языковые различия увековечены в пословицах.

A woman's tongue wags like lamb's tail – Женский язык «пляшет» как овечий хвост (Англия).

Foxes are all tail and women are all tongue – Лисы славятся хвостом, а женщины – языком (Англия).

Ou femme у а, silence n'у а – Там, где женщина, там нет молчания (Франция).

The North Sea will be found wanting in water than a woman at loss for a word – Скорее Северное море пересохнет, чем женщина не найдет, что сказать (полуостров Ютландия)¹.

Заметки современных наблюдателей, записанные в дневниках, письмах, поэмах, романах, также дают нам наивно-лингвистические представления о половых различия в языке. К тому же более любопытные наблюдения об этом мы можем найти в ранних работах грамматистов. Не всегда легко провести границу между прошлым и настоящим, так как многие труды ученых, именуемых «грамматистами», в своем подходе к половым различиям в языке не более научны, чем наблюдения «обычных» людей. Иначе говоря, ученые – такой же продукт своего времени, как и неученые, и их подход к изучению языка может так же быть источником сомнений и предрассудков, как и наблюдения обывателей.

Далее мы увидим, что научные комментарии о половых различиях в языке отражают идеи своего времени. В неко-

торых случаях такая тенденция приводит к поразительным противоречиям, если принять одно общее правило. Я назыву его правилом андроцентричности (the Androcentric rule): речевое поведение мужчин авторы рассматривают как желательное и правильное; любые же изменения в языке, инициированные женщинами, расцениваются как вредные и предосудительные.

2.2. Наивная лингвистка

В этой главе я представлю обзор трудов от Средних веков до начала XX века (то есть работ, написанных до становления лингвистики как дисциплины). Я не ставлю перед собой задачу охватить весь материал; в большей степени я сосредоточусь на следующем круге вопросов: словарный состав, ругательства и табу, грамматика, грамотность, произношение, а также и разговорчивость.

2.2.1. Словарный состав языка

Возрастанию интереса к лексической и грамматической структуре языка, то есть к его словарю и грамматике способствовало развитие литературного произношения. Если один из вариантов языка выбирается в качестве стандарта, то за этим неукоснительно следует процесс кодификации. Кодификация касается как словарей (непосредственно связанных со словарным составом языка), так и грамматики (рассмат-

ривающей грамматические структуры языка). В Англии в XVIII веке публиковалось множество словарей и грамматик, представляющих собой попытки свести язык к правилам и узаконить «правильное» употребление.

Комментарии к половым различиям в лексике языка довольно широко распространены в работах XVIII в., как это представлено в следующих отрывках. В статье, написанной Ричардом Кембриджем для газеты «The World» от 12 декабря 1754 г., выражается предположение, что короткая жизнь женского словарного состава ассоциируется с несущественностью того, что они говорят:

Покорно прошу извинить... мои сомнения относительно уместности добавления к установленному и постоянному стандарту языка тех слов, которые канут в вечность, не прожив и года. Чем мы обязаны дамам – так это многочисленными украшениями нашего языка, которые я с готовностью признаю (Cambridge 1754: цит. по [Tucker 1961,93]).

Здесь перед нами предстает джентльмен XVIII в., столкнувшийся с проблемой изменения языка. Конечной целью кодификации была «фиксация» языка раз и навсегда. Однако словарный состав языка – эта та область, которая трудно поддается контролю. Ричард Кембридж не сообщает о причинах, по которым он возлагает на женщин ответственность за слова-однодневки.

Обращаясь к началу XX в., мы находим труды Отто Ес-

персона, датского профессора английского языка, занимавшегося вопросами изменения словарного состава. Он утверждает, что *мужчины*, а не женщины вводят «новые и свежие выражения» и поэтому именно мужчины являются «главными творцами языка» [Jespersen 1922, 247]. Эта очевидная непоследовательность может быть объяснена правилом андроцентричности (см. раздел 2.1). Согласно правилу, в эпоху, которая не жаловала лексические изменения, женщин считали виновными в распространении слов-однодневок. С другой стороны, Есперсен в 1922 г. установил, что изменение словарного состава неизбежно, и видел в нововведениях творческий процесс; поэтому он и приписывал мужчинам ввод новых лексических единиц.

Неизвестный сотрудник «The World» (6 мая 1756 г.) жаловался на чрезмерное использование женщинами определенных наречных форм:

Такие пышные высказывания наших сегодняшних модниц, которые могут испортить многие симпатичные ротики, никогда нельзя порекомендовать обычному человеку. Вот почему так не хватает подлинных слов, и слух ежедневно страдает от специфичных выражений таких, как *vastly, horridly, abominably, immensely, excessively*) *значительно, неприятно, отвратительно, чрезмерно*) которые, еще с тремя, четырьмя более предназначенными для общения в швейцарском духе, и составляют целую шкалу современной женской беседы (цит. по [Tucker 1961, 96]).

Эта черта языка женщин беззлобно пародируется Джейн Остин в произведении «Аббатство Нортенгер» (1813), в речи Изабеллы Торп:

«My attachments are always *excessively* strong» – «Мои приращения всегда *чересчур* устойчивы»

«I must confess there is something *amazingly* insipid about her» – «Я должна сознаться, что в ней есть что-то *поразительно* безвкусное»

«I am so vexed with all the men for not admiring her – I scold them all *amazingly* about it» – «Я так сердита на всех мужчин за то, что они не восхищаются ей! Я *жутко* брюзжу на них по этому поводу» («Аббатство Нортенгер», глава 6, курсив наш).

На самом деле важно то, что именно Изабелла кокетлива, самолюбива и мелочна и что именно она употребляет наречия, а не Катрина – главная и не столь изощренная героиня произведения.

Использование такого рода наречных форм – это дань моде того времени, которая, очевидно, ассоциируется в общественном сознании с речью женщин. Лорд Честерфилд, написавший статью в «The World» от 5 декабря 1754 г., сделал очень похожие наблюдения по поводу высказывания неизвестного сотрудника, процитированного выше:

Суть не в обогащении нашего языка словами совершенно новыми (*снова обвинение в том, что женщины дестабилизируют словарь*), мои деревенские

женщины идут еще дальше, изменяют слово, используя и расширяя старые значения до разных и очень несхожих смыслов. Они берут слово и разменивают его, как гинею, на шиллинги для повседневных мелких расходов. Например, прилагательное (*vast*) *крайний*, *значительный* и наречие (*vastly*) *значительно*, *крайне* могут означать, что угодно и являются модными словами модных людей. Светская дама... будет *крайне* благодарна, *крайне* обижена, *чрезвычайно* рада или *чрезвычайно* огорчена. Большие предметы будут *крайне* большими, маленькие – *крайне* маленькими; недавно я имел удовольствие услышать высказывание светской дамы, произнесенное счастливым голосом: очень маленькая золотая табакерка, выпущенная компанией, была *чрезвычайно* симпатичная, потому что была *чрезвычайно* маленькой (цит. по [Tucker 1961, 92]).

Лорд Честерфилд заканчивает с ироничной серьезностью обращением к одному из известных законодателей того времени, доктору Джонсону, чей «Словарь» (1755) стал поворотным моментом в процессе кодификации. «Мистеру Джонсону, – говорит лорд Честерфилд, – стоило бы серьезно заняться ограничениями различных и широких значений этого громадного слова (*vast* – бескрайний, громадный, обширный)».

Словарь Джонсона хорошо известен своими специфичными и двойственными дефинициями (*Patron* – «патрон, шеф») определяется в общем смысле как «негодяй, поддерживаю-

щий насилие и любящий лесть»). Джонсон фиксирует слова *флирт* (*flirtation*) и *пугливый, страшный* (*frightful*) как «женский сленг». Такое объяснение отягощено субъективной оценкой. Вполне очевидно, что неизвестный автор из «The World», процитированный выше, – мужчина: все отрывки показывают, что авторы (мужчины) уверены в ограниченности и бессмысленности женского лексикона, а также в его пагубном влиянии на язык. Отметим, что «язык» определяется писателями XVIII в. как язык мужчин: нормой считается способ говорения мужчин, в то время как язык женщин рассматривается как отклонение.

В XX в. андроцентрическая направленность по-прежнему присутствует в исследованиях словарного состава английского языка. Есперсен включил главу под названием «Женщина» в свою книгу «Язык: его природа, развитие и происхождение» (1922). Достоинство этой главы в том, что в ней представлено обобщение существовавших в то время исследований по женскому языку в разных частях мира. Однако ее справедливо упрекали в некритичном признании сексистских утверждений о мужских и женских различиях в языке. В эту главу Есперсен также включил раздел о словарном составе языка. Ученый пришел к заключению, что «словарный запас у женщин, как правило, менее разнообразен, чем у мужчин». Он подтверждает это результатами проведенного американцем Джастроу эксперимента, в котором студенты обнаружили более разнообразный лексикон, чем студент-

ки, когда их попросили записать сто (отдельных) слов.

В разделе о наречии Есперсен говорит, что женщины отличаются от мужчин частотой употребления определенных прилагательных, таких как *pretty* (симпатичный) и *nice* (прекрасный). Следует отметить, что американская лингвистка Робин Лакофф в книге «Язык и место женщин», которая для многих ознаменовала возникновение лингвистического интереса к половым различиям в XX в., особо выделяет так называемые «пустые» прилагательные, например *превосходный, очаровательный, милый...* как типичные по ее определению для «женского языка» [Lakoff 1975, 53].

По Есперсену, женщины еще больше отличаются от мужчин в употреблении наречий. Цитируя заметки лорда Честерфилда о наречии *vastly* (см. выше), Есперсен доказывает, что «именно это и есть характерная особенность: любовь женщин к преувеличению очень часто диктует моду на интенсивность использования наречий, и они во многих случаях употребляются без учета их истинного значения» [Jespersen 1922, 250]. (Это, конечно, вызывает вопрос, что такое «истинное» значение.) Есперсен приводит примеры из всех основных европейских языков. Это доказывает, что наречия широко используются в этих языковых сообществах, но автор не представляет достоверных данных, которые явственно показали бы, что их используют только женщины или преимущественно женщины.

Наречие *so* (так, такой) также рассматривается как об-

наруживающее «что-то неизменно женское». Есперсен приводит данные из «Punch» от 4 января 1896 г.: «Это маленькое наречие в сочетании с прилагательными пользуется большой любовью дам». Этот отрывок представляет примеры «дамского употребления»: *It is so lovely! – Так мило!* *He is so charming! – Он такой обворожительный!*; *Thank you so much! – Я вам так благодарна!*; *I'm so glad you've come! – Я так рада вашему приходу!* «Объяснение» Есперсена о половых предпочтениях в употреблении заключается в том, что «женщины гораздо чаще, чем мужчины, обрывают предложение, не закончив его, так как, они начинают беседу, не задумываясь о том, что собираются сказать...» [Jespersen 1922, 250].

У Робин Лакофф также есть раздел об употреблении усиленного *so*. Она утверждает, что «*so* более частотно в женском языке, чем в мужском, хотя, конечно, и мужчины могут использовать его» [Lakoff 1975, 54]. Как мы увидим в следующих разделах, между работами Робин Лакофф и Отто Есперсена существует много параллелей, и это удивительно ввиду того, что феминистки приветствовали книгу Лакофф, а книгу Есперсена подвергли резкой критике.

2.2.2. Ругательства и табу

«Свистящий моряк, кудахтающая курица и ругающаяся женщина – всем троим место в аду» (Whistling sailor, a crowing hen and a swearing

woman ought ah three to go to hell together).

Американская пословица

В этом разделе я буду рассматривать ругательства, проклятия, нецензурные выражения и всё то, что относится к «вульгарному языку». Мнение, что женский язык более вежлив, более совершенен – одним словом, более благороден, широко распространено и сохраняется на протяжении многих веков.

Вульгарность – это культурный конструкт, и есть основания полагать, что возникшие в Средневековье новые, изысканные традиции, формируя аристократичные манеры, также создавали и вульгарность. Примером вульгарного языка являются французские *фаблио* (*fabliaux*) – комические сказки Средневековья, которые, вероятно, написаны отчасти в ответ на новую моду «чистого» языка. Фаблио «Дама, которая отомстила рыцарю» («*La Dame qui se venge du Chevalier*») [Montaiglon et Raynaud 1872—90: 6] отчетливо выражает «галантное» табу, порицающее употребление мужчиной непристойного языка в присутствии женщины. Мужчина и женщина вместе в постели, когда мужчина допускает оплошность (*faux pas*): «рыцарь сверху взглянул ей прямо в лицо и увидел, что она теряет сознание от удовольствия». Потом он не сдержал свою глупость и сказал ей что-то очень грубое. Прямо после этого он спросил ее: «*My lady, would you crack some nuts?*» – «Дорогая, не хочешь ли пощелкать орешков?» (букв.: не хочешь ли ты перепихнуться) – (перевод

[Muscatine 1981, 11]). *Croistre noiz (crack nuts)* – синоним слова *foutre* (переспать, перепихнуться). Женщина очень обижается и намеревается отомстить ему.

В противоположность этому сюжету существует группа из трех *фаблю* (две версии «Дама, которая не могла ни слышать, ни говорить “сделай это”» («*La damoisele qui ne oir parler de foutre*») и «Невинная девушка, которая...» («*La pucele qui abevra le polain*»), которые могут быть расценены как критика языкового ханжества женщин и которые защищают использование просторечных (вульгарных) форм. Во всех трех версиях истории героиня – чопорная (*dédaigneuse*) молодая женщина, не выносящая никаких слов, связанных с сексом, – так они задевают ее. Отец не держит в доме слуг мужского пола, так как их речь не подходит для ушей его дочери. Герой – умный молодой человек – приходит в дом под предлогом поиска работы и притворяется, что ему омерзителен непристойный язык. Тем самым он завоевывает доверие отца и дочери. Девушка так убеждена в его чистоте, что даже приглашает спать в своей постели. Происходит взаимное обольщение, и, во избежание использования табуированных выражений, любовники употребляют тщательно отобранные метафоры, например *ponies, meadows, fountains* (*пони, луга, фонтаны*) и т. д. Писатель дает комментарии к одной из версий: «Этим примером я хочу показать, что женщинам не надо быть слишком гордыми и следует громко сказать “выдери меня” (*fuck out*), все тем более, что равно

они этим занимаются» (перевод [Muscatine 1981, 14]). Юмор этих историй основан на нелепом контрасте между неприязнью женщины к *словам* и удовольствием в *акте*. В известном отрывке из «Романа о Розе» («Roman de la Rose») (1277) критикуется использование эвфемизмов и иносказаний, а использование простого языка приветствуется. Писатель замечает: «Если женщины во Франции не называют их (*coilles* — фр.: шары, яйца), то это означает всего-навсего дань привычке» (перевод [Muscatine 1981, 17]). Табу в языке, видимо, существовали всегда, но, похоже, изысканные традиции Средних веков, вознесшие женщин на пьедестал, укрепили языковые табу, а также осудили употребление вульгарного языка женщинами и мужчинами в присутствии женщин.

Устойчивость наивно-лингвистических представлений о разном использовании ругательств мужчинами и женщинами отражается в критике системы воспитания детей благородных сословий, представленной Элиотом в произведении «Гувернер» («The Governour») (1531). Элиот рекомендует, чтобы ребенок достойного джентльмена воспитывался женщиной, которой не разрешается «произносить никаких неприличных слов» в его присутствии. Чтобы ребенок не слышал таких слов, он настоятельно советует не допускать мужчин к воспитанию.

Шекспир, наоборот, осмеивает этот культурный стереотип. В пьесе «Король Генрих IV» Готспер ругает свою жену за использование просторечных выражений:

Hotspur.

Come, Kate, I'll have your song too.

Lady Percy:

Not mine, in good sooth.

Hotspur:

Not yours, «in good sooth»! Heart!
You swear like a comfit-maker's wife!
Not yours, «in good sooth»; and «as true as I live»;
and «as God shall mend me»; «as sure as day»;
And givst such sarcenet surety for this oaths,
As if thou never walk'dst further than Finsbury.
Swear me, Kate, like a lady as thou art,
A good mouth-filling oath; and leave «in sooth»
And such protest of pepper-gingerbread
To velvet-guards and Sunday citizens

(I Henry IV, III. I. 248ff.).

Готспер:

Теперь я хочу твою песенку, Кэт.

Леди Перси:

Как бы не так, ни за какие коврижки.

Готспер:

Как бы не так, ни за какие коврижки!
У тебя выраженья, словно ты жена булочника.
«Как бы не так», «держи карман шире»,
«накажи меня Бог», «чтоб мне света не видать».
Ты божишься, как будто ты весь век
за Финсберийский вал не выходила,
Уж если речи клятвой подкреплять,
То крупно, во весь голос, по-дворянски.
А клятвы с ароматом имбиря
Оставь воскресным парам на гулянье,
Мещанам с бархатом на обшлагах²⁷.

Шекспир в данном отрывке показывает, что просторечные выражения связаны не только с полом, но и с социальной группой. Готспер настоятельно просит Кэт не ругаться, как жена булочника и другие «воскресные граждане» (буржуазия), а говорить, как подобает «истинной леди», то есть аристократке.

Как показано в предыдущем разделе, джентльмены XVIII в. осознают факт языкового изменения. Артур Мэр-

²⁷ Перевод Б. Пастернака. Ч. I. С. 109, акт III.

фи в остроумной статье в журнале «Gray's Inn» от 29 июня 1754 г. предлагает создать «Регистр рождения и смерти слов». Он смело развивает эту мысль:

Разграничение слов может проводиться в соответствии с полом, то есть слова, относящиеся к женщинам, и слова, относящиеся к мужчинам, например, *D-n my blood* имеет мужское происхождение, а *Pshaw; Fiddlestick* (дословно «смычок») – Фи! Фу! Тьфу! – я отношу к женским... (цит. по [Tucker 1961, 86]).

Идея разграничения мужских и женских нецензурных слов и выражений по-прежнему широко поддерживается. Спустя 200 лет Робин Лакофф делает точно такое же наблюдение, как и Артур Мэрфи:

Рассмотрим:

а) «Oh dear! You've put the peanut butter in the refrigerator again». – «О, дорогой, ты опять положил арахисовое масло в холодильник»;

б) «Shit!! You've put the peanut butter in the refrigerator again». —

«Черт, ты опять положила арахисовое масло в холодильник». Можно сделать уверенный прогноз, что люди классифицируют первое предложение как составляющую «женского языка», а второе – как «мужского». [Lakoff 1975, 10].

Позднее Лакофф обобщит свою позицию: «Женщины не употребляют непристойных и неделикатных выраже-

ний; женщины – это настоящие специалисты по эвфемизмам» [Lakoff 1975,55].

Хотя Лакофф и отмечает, что затрагивает в большей степени «общие тенденции», а не «сотни корреляций», тем не менее она довольствуется представлением такого наивно-лингвистического материала, неподтвержденного какими-либо исследовательскими выводами, которые можно принять или опровергнуть. Менее удивительно, что Есперсен в 1922 г. высказал такую точку зрения:

Не может быть никаких сомнений, в том, что женщины оказывают огромное и всеобщее влияние на развитие языка благодаря их подсознательному уклонению от непристойных, грубых выражений и их склонности к использованию чистых и (в некоторых случаях) завуалированных и уклончивых фраз.

Далее он переходит к особым случаям ругательства:

Среди того, против чего женщины возражают в языке, должны быть упомянуты все виды ругательств.

В сноске он дополняет:

Существуют большие различия в отношении к брани между различными нациями; но я думаю, что в тех странах и в тех обществах, где ругань – норма, чаще ее можно обнаружить среди мужчин, чем среди женщин, во всяком случае, это верно для Дании [Jespersen 1922,246].

Названные авторы склонны отмечать большую вежли-

вость женщин в использовании языка, но мы должны задать вопрос, не является ли то, что они делают, попыткой указать женщинам, как им *следует* говорить. Избегание ругательств и грубых слов приветствуется в речи женщин как идеал, к которому стремятся (так же как и молчание, как мы увидим в разделе «Разговорчивость»). Несомненно, что люди в течение долгого времени задумывались над различным отношением женщин и мужчин к употреблению ругательств и табуированных выражений. В шестой главе мы увидим, что нам по-прежнему не хватает научных данных, способных подтвердить или опровергнуть это представление.

2.2.3. Грамматика

Развитие литературного английского языка способствовало осознанию языковой вариативности, и в связи с этим лучше пониманию того, что есть нормированность языка. Когда стандарт принимался и кодифицировался, то формы, отклоняющиеся от него, рассматривались как «неправильные». В XVIII в. познание в грамматике еще не достигло современного уровня. Грамматики были, скорее, предписывающими, чем описательными, формулирующими законы правильного употребления. В них часто входили разделы по правописанию и пунктуации, которые показывают, насколько рано грамматисты за основу своих трудов взяли *письменный* язык.

Самые ранние исследователи грамматики и риторики рас-

смаатривали «правильный» порядок элементов во фразе, например *мужчины и женщины*:

Некоторые ставят карету впереди лошади, например, когда говорят: моя мама и мой папа дома, даже не осознавая неправильности своих слов. Хотя так часто и случается (один Бог знает, почему), но, по крайней мере, в разговоре давайте придерживаться естественного порядка и ставить мужчину перед женщиной, как предписывает этикет²⁸.

Идея «естественного порядка» и превосходства мужского бесцеремонно навязывается и в употреблении языка: «мужской род ценнее, чем женский» [Poole 1646, 21]. Возможно, эта идея явилась необходимой предпосылкой правила о полонеразличительном, родовом местоимении (*sex-indefinite*) *he*, вытесняющем употребление *they* или *he, she* в тех случаях, когда пол субъекта неизвестен.

Сравните следующие три предложения:

1. Someone knocked at the door but they had gone when I got downstairs (Кто-то постучал в дверь, но когда я спустился, они ушли);

2. Someone knocked at the door but he or she had gone when I got downstairs (Кто-то постучал в дверь, но когда я спустился,

²⁸ Some will set the Carte before the horse, as thus, my mother and my father are both at home, even as though the good man of the horse were no breaches, or that the gray Mare were the better horse. And what though it often so happeneth (God wote the more pittie) yet in speaking at the least, let us keep a natural order, and set the man before the woman for manner sake (Wilson 1560, 189).

он или она ушли);

3. Someone knocked at the door but he had gone when I got downstairs (Кто-то постучал в дверь, но когда я спустился, он ушел).

В соответствии с предписывающей грамматикой только последнее из высказываний является «правильным» (первое – «неправильное», а второе – «нескладное»). Часто цитируемое утверждение Джона Кикби из «Новой английской грамматики» («New English Grammar») 1746 г. гласит:

Лицо мужского рода откликается на общее имя, которое подразумевает и мужское и женское; поскольку любой человек знает то, что он говорит [Kirkby 1746, 117].

За недостатком места мы не можем в полном объеме обсудить альтернативные заслуги родового (generic) *he* и *they* в значении неопределенного лица в контексте, требующем местоимения, не различающегося по полу (для детального изучения см. [Bodine 1975b]). Важный момент состоит в том, что андроцентрические (мужское как норма) отношения, достаточно заметные в ранних трудах по языку, были действительно взяты за основу для некоторых описательных правил грамматики. Многие люди рассматривают феминистскую точку зрения на использование родового *he* как вводящую в заблуждение и обреченную на неудачу. («Я чувствую... что попытка изменить употребление местоимений бесполезна» [Lakoff 1975, 45]). У этих людей вызывает недо-

верие тот факт, что существующее правило было навязано носителям языка мужчинами-грамматистами XVIII в. Наивно допускать, что кодификация была нейтральной и свободной от модных веяний: те, кто формулировал законы, несомненно, определяли как «правильное» такую грамматическую форму, которую они по какой-либо причине предпочитали.

Что касается грамматики, писатели, наблюдая за языком, высказывают предположение, что женщины часто бывают виновны в неправильном словоупотреблении. Следующий отрывок является типичным для своего времени:

Вчера я вошел в гостиную, где обнаружил миссис Корнелию, третью дочь моей дамы, как всегда одну, читающую газету, в которой, как я позже обнаружил, были стихи о любви и дружбе... По почерку, с первого взгляда, я не мог догадаться принадлежали ли они даме, но, надев очки и внимательно прочитав, по своеобразному стилю орфографии и некоторой небрежности в грамматике я понял, что это был сонет, написанный женщиной [Richard Steele 1713]; цит. по [Tucker 1961, 69].

Лорд Честерфилд замечает (1741): «...большинство женщин и вообще все простые люди разговаривают с явным пренебрежением к грамматике». Генри Тилни рассказывал Катрин Морланд, что «обычный стиль письма, используемый среди женщин, безупречен, за исключением трех моментов:

общей пренебрежительности к предмету, абсолютной невнимательности к точкам и очень частого игнорирования грамматики» («Аббатство Нортенгер», 1813). Хотя автор иронизирует, мы можем предположить, что такого рода насмешки по поводу незнания грамматики в то время высказывались в адрес женщин.

Есперсен, несомненно, может много сказать о грамматических различиях в языке мужчин и женщин. Как мы уже увидели (в отношении к *so* см. раздел 2.2.1), он уверен, что женщины часто говорят незаконченными предложениями (в результате того, что не думают перед тем как сказать!). Он утверждает, что это, в частности, касается восклицательных предложений, и иллюстрирует это следующими примерами из литературы:

Mrs. Eversleigh. I must say (но не находит слов) (Я должна сказать) (Hankin; цит. по [Jespersen 1922, 251]).

The trouble you must have taken! – Hilda exclaimed (Неприятность, в которую Вы, должно быть, попали! – воскликнула Хильда) (Cottr-ton-MacKenzie; цит. по [Jespersen 1922, 251]).

На самом деле такие высказывания могут делать представители обоих полов. Понятие незаконченного предложения вырастает из рассмотрения письменного языка как первичного. Предложение – это основная единица письменной речи, но анализ разговорного дискурса (относительно новый термин) говорит о том, что предложение не может быть реле-

вантной категорией речи. Однако вследствие того, что мужчины были более образованы, чем женщины, вероятно, их речь более соответствовала письменным нормам. Следовательно, иначе говоря, различия между мужчинами и женщинами могли выявляться в письменном языке. Но у нас нет статистических данных, подтверждающих эту гипотезу.

Второе утверждение Есперсена касается понятий **паратаксис** и **гипотаксис**. Части сложного предложения могут соединяться между собой различными способами. Паратаксис – термин, используемый для описания последовательности частей сложного предложения, не имеющих указания на связь друг с другом (части предложения просто ставятся рядом): 1-я часть, 2-я часть (например, *I got up, I went to work*). Близкая к этому, но не всегда включенная в понятие «паратаксис» связь, – **сочинение**. В сочинительном предложении части соединяются между собой при помощи сочинительных союзов (*and, but* и т. д.): 1-я часть *and* (и) 2-я часть (например, *I got up and I went to work*). Гипотаксис – термин, используемый для описания последовательности частей сложного предложения, соединенных **подчинительными** союзами (*after, when, because* и т. д.): *after* 1-я часть, 2-я часть / 1-я часть *after* 2-я часть (например, *after I got up I went to work / I went to work after I got up*).

Основным отличием этих двух моделей является то, что паратаксис содержит ряд главных предложений, равноправных между собой, а гипотаксис состоит из главного и одного

или более придаточных предложений, подчиненных главному. Логическая связь между частями предложения в гипотактическом стиле выражена *явно*, а в паратактическом стиле *скрыта*.

В нашей культуре существует давняя традиция пренебрежения паратаксистом и превозношения гипотаксиса. Паратактические конструкции называют «примитивными», предположительно, из-за того, что в их поверхностной структуре недостаточно четко выражены связи. Гипотактические конструкции, наоборот, всеми признаются, особенно подвижниками Ренессанса. Необходимо напомнить, что классическое латинское предложение содержит сложное подчинение, а пиетет к классике очень высок.

Есперсен при анализе различий в синтаксисе мужской и женской речи также указывает на это отличие:

Если мы сравним долгие периоды (= предложения), составленные мужчинами и женщинами, то у первых мы обнаружим много примеров сложных и проникающих одна в другую структур; с относительными предложениями в середине условного и, наоборот, с подчинением и субподчинением, тогда как типичной формой длинных женских периодов является сочинение; одно предложение или часть предложения добавляется к другой на одном и том же уровне между соответственными идеями и маркируется не грамматически, а эмоционально – ударением и интонацией, а в письме – подчеркиванием. На

языке терминов, мужчины предпочитают гипотаксис, а женщины паратаксис [Jespersen 1922, 251].

Различие между *грамматическим* и *эмоциональным* неясно, но, видимо, *эмоциональный* имеет негативный, уничижительный оттенок и позволяет предположить, что Есперсен говорит о превосходстве гипотактического стиля. Он продолжает двумя известными сравнениями:

Мужское предложение подобно набору китайских коробочек, одна в другой, тогда как женское похоже на жемчужины, нанизанные на нить из союзов *and* и других подобных слов [Jespersen 1922, 252].

Есперсен, хоть и большой сексист, но все-таки джентльмен!

В последнее время паратактические и гипотактические различия используются для различения ограниченного и разработанного кодов Бернстайна².

Бернстайн, не прибегая к этим терминам, обращается к обусловленному культурой мнению, что гипотаксис – высшая модель структуры: он утверждает, что подчинение типично для разработанного кода, тогда как ограниченный код использует «простые» сочинительные предложения. Лингвисты соглашались с тем, что, в сущности, нет ничего выше, чем конструкция, содержащая подчинительные предложения. Однако отмечается, что гипотактические конструкции типичны для письменного языка, в то время как паратактические – для устной речи.

Мы можем представить эти связи в простой таблице (2.1).

Таблица 2.1

**Языковые доминанты паратаксиса и гипотаксиса
(реальные и гипотетические)**

	Паратаксис	Гипотаксис
<i>Типичны для</i>	англосаксонской прозы речи	прозы Ренессанса и пост-Ренессанса письма
<i>Предположительно типичны для</i>	ограниченного кода языка женщин	разработанного кода языка мужчин

Как было сказано выше, среди ученых существовала тенденция принимать за эталон официальную письменную прозу. Оба утверждения Есперсена о синтаксисе женщин относятся скорее к различиям между разговорным и письменным языком. Письменный язык (в частности, печатный материал) большей частью написан мужчинами (см. раздел 2.2.4). Это значит, что Есперсен мог судить о мужчинах по письменному синтаксису, а о женском синтаксисе, вероятно, делал заключения, исходя из разговорного языка.

2.2.4. Грамотность

Этот раздел непосредственно связан с предыдущим. Нет сомнений, что до того как в XX веке государственное образование стало обязательным для всех, женщины имели меньше возможности получить образование, чем мужчины. До

XIX в., вероятно, только женщины среднего и высшего класса были грамотны, но даже тогда, когда мы говорим *грамотный*, мы подразумеваем грамотность в родном языке. Братья и мужья этих женщин владели также и классическими языками. Классическая латынь и греческий язык не были родными языками для каждого. Они продолжали существовать только в мужском мире школы, университета и церкви. Когда Мильтону задали вопрос, будет ли он обучать своих дочерей языкам, он якобы ответил: «Одного языка для женщины достаточно».

Следующая цитата показывает, что хотя джентльмены XVII и XVIII вв. и соглашались с тем, что язык женщин, особенно письменный, имел свои недостатки, тем не менее не все они выступали против изменения положения дел при помощи образования. Отрывок взят из введения к работе «The Many Advantages of a God language to any Nation: with an Examination of the Present State of our own: As also, An essay towards correcting some Things that are wrong in it» («Преимущества хорошего языка для любой нации на примере исследования нашего государства, а также опыт исправления существующих ошибок»). Эта работа приписывается Томасу Уилсону (1663–1755), епископу Содорскому и Майскому. Акцентируя внимание на силе слов, писатель предупреждает, что неправильное употребление слов негативно отражается на носителе языка.

Мы от всего сердца желали бы, чтобы прекрасный

пол мог обратить внимание на эту последнюю причину; многие милые дамы из-за глупости своих слов теряют очарование, которое возникает при виде их лиц. Так как разум имеет более прекрасное и длительное очарование, чем тело, и если бы они пленяли чувства мужчин, они бы не пренебрегали этой высшей красотой. Так как эти совершенства зависят не от силы руки, а от быстроты ума, которое приятно видеть и слышать, и поскольку этими талантами природа, без сомнения, наделяла этот пол так же щедро, как и наш, то неправильность в словах, орфографии и ином, над которыми обычно смеются, происходит не из-за недостатка ума, а из-за небрежности и их обделенности в образовании. Эти очерки созданы в помощь женщинам, также, как и всем остальным [Wilson 1724, 37].

Далее автор указывает на важность образования матерей. Мы все можем восторгаться его либеральным отношением, однако, заметим, что его комментарии адресованы исключительно мужчинам (...несомненно, природа так же щедра к их полу, как и к нашему...). В то время когда это было написано (1724), письменные произведения женщин были предметом насмешек; к тому же очевидно, что женщины получали очень ограниченное образование. Свифт со свойственным ему преувеличением высказывает ту же точку зрения в «Письме к молодой леди по случаю ее свадьбы» (1727):

Несколько огорчительно, что среди тысячи дочерей

благородных отцов не найдется и одной, обученной читать и понимать свой родной язык или судить о самых простых книгах, на этом языке написанных.

Насмешки Генри Тилни над Катрин по поводу женской манеры написания писем, приведенные в предыдущей главе, показывают, как мало что-то изменилось даже век спустя.

Руссо [Rousseau, 1712–1728] осуждает женские литературные произведения по иным причинам, нежели те, о которых мы уже знаем. Он говорит:

...того красноречия, того грандиозного восторга, который дает наслаждение каждой частице души, всегда будет не хватать женскому произведению. Они все холодны и прекрасны, как их авторы. Они могут отражать великий разум, но никогда душу (Rousseau, *la Lettre d'Alembert sur les Spectacles*, перевод [Peggy Kamuf 1980, 290]).

Во времена романтизма, следовательно, женское письмо считали неполноценным, потому что произведениям не хватало страстности. Мы можем противопоставить этому вывод Эсперсена о женском предпочтении паратактических моделей (см. раздел 2.2.3), согласно которому они более «эмоциональны», тогда как мужчины более «грамматичны». Это противоречие легче понять исходя из того, что каждая эпоха пересматривает то, что следует принять и чего избегать в языке (**правило андроцентричности**). Мнение Эсперсена и Руссо сходятся в том, что женщины пишут менее искусно,

чем мужчины.

И только в XX столетии, мы можем считать само собой разумеющимся, что женщины грамотны, что женщины имеют равный доступ к образованию и что женские голоса звучат наравне с мужскими (по крайней мере, в теории). Комментарии женщин по поводу письма дают нам возможность проникнуть в суть проблем, связанных с использованием средств выражения, которые испокон веков находились в руках мужчин. Так, Вирджиния Вульф рассматривает форму письменного предложения:

По-прежнему остается верным, что до того, как женщина получила возможность писать так, как желала, она столкнулась со многими трудностями. Для начала следует сказать о технической трудности, такой простой с виду, а на самом деле ставящей в тупик, – это сама форма предложения, которая была не приемлема для нее. Само предложение создано мужчиной, оно слишком пространно, слишком нагромождено и слишком помпезно для употребления женщиной. Даже в романе, занимающем много места, необходимо найти такой доступный и обычный тип предложения, который бы легко и свободно пронес бы читателя из одного конца книги в другой. И это женщина должна сделать для себя, переделывая и адаптируя существующее предложение до тех пор, пока оно не примет естественную форму ее мыслей, не разрушая и не искажая их (Woolf 1929, опубликовано в

[Woolf 1979, 48]).

Хотя некоторые будут заниматься обсуждением сексистской идеи о том, что мысли женщин по форме отличаются от мужских и поэтому нуждаются в разном выражении, никто не станет отрицать, что письменный язык еще до развития романа был мужской прерогативой. Пишущие мужчины обучены риторике, и их стиль письма представляет традиционную модель мышления и выражения. Повлекло ли это за собой формирование какого-нибудь особенного типа предложения – пространного, нагроможденного, помпезного, возможно, находящегося под влиянием классических моделей, – этот вопрос требует детального исследования. Однако процесс повышения грамотности женщин явно шел не без трудностей. Вероятнее всего, трудности женщин с письменным языком были предметом насмешек мужского разума, а не предметом сочувственного понимания.

2.2.5. Произношение

Совершенствование литературного варианта письменного английского языка сопровождалось совершенствованием литературного варианта разговорного английского языка. После создания нормативной грамматики и лексики возникла необходимость в эталоне произношения. Произношение, обычно связываемое с литературным английским языком, R. P. (Received Pronunciation), отличается от всех других ан-

глийских вариантов языка тем, что не имеет отношения к какому-либо географическому региону. Развитие разговорного стандарта сопровождается появлением идеи о том, что же создает «хорошую» речь. Вследствие того что культура речи Лондонского суда стала престижной, другие варианты произношения приобрели социальную маркированность. Комментарии современных авторов вновь обнаруживают андроцентрическую точку зрения на использование языка и рассматривают речь женщин как отклонение от (мужской) нормы.

Элиот, в «Гувернере» (1531) дает нам следующие советы по поводу нянь и других женщин, присматривающих за детьми дворян в младенчестве:

...[они должны], по крайней мере... говорить на английском языке, чистом, вежливом, совершенном, с правильной артикуляцией, не пропуская букв и слогов, как это часто делают женщины, плохо знающие язык, дети же благородных отцов – как это происходит сейчас – получают грубое и неправильное произношение [Elyot 1531].

Заметим, что обращение к идее о недопустимости пропуска слогов и букв – это соотнесение нормы с письменным языком. Как мы видели, в разделе о грамматике устный английский язык сравнивается с письменным языком, особенно по мере развития письменного стандарта. Там, где письмо и речь различаются (а мы только сейчас начинаем пони-

мать, насколько огромны эти различия), существует тенденция рассматривать устную форму как неправильную или как отклонение от эталона. Процитированный выше фрагмент вновь напоминает нам о том, что у джентльменов как образованной и грамотной социальной группы иная точка зрения на язык, нежели у женщин.

Следующий отрывок, взятый из «Logonomia Anglica» («Английское словозаконие» Гилла, 1619–1621, связывает речь женщин с речью мужчин низкого социального статуса:

В речи первый закон – это подражание речи образованного человека. Письмо поэтому должно фиксировать не то произношение, которое используется пастухами, девочками [*mulierculae*] и швейцарами, а то, которое применяют в публичных выступлениях ученые мужи [*docti autculte eruditi viri*] (перевод [Dobson 1969, 435]).

Произношение лиц женского пола (*mulierculae*) прямо сравнивают с мужским произношением (*viri*), а читателей побуждают учиться речи у образованных *мужчин*. Объединение пастухов, швейцаров и девочек в одну группу показывает, что престиж речи явно связывается с образованием. Однако не совсем понятно, *действительно* ли в XVII в. мужчины и женщины одного социального класса говорили по-разному, так как лишь только в XX в. к речи был применен качественный социалингвистический анализ.

Превосходный обзор различий в произношении женщин и мужчин Есперсен включает в раздел под странным названием «Фонетика и грамматика» в главу «Женщина» (где здесь грамматика?). В трудах ранних грамматистов он находит доказательство более качественного произношения женщин по сравнению с мужчинами. Например, он цитирует Малкастера [Mulcaster 1582]: «Ai is the man's diphthong, and soundeth full: ei, the woman's, and soundeth finish (e.g. fineish) in the same both sense, and use, *a woman is deintie, and feinteth soon, the man fainteth not because he is nothing daintie*». («[ai] – это мужской дифтонг, он произносится полнозвучно; [ei] – женский дифтонг, и его произносят как, например fineish, – женщина грациозна, а также красива; мужчина красив; но не грациозен»).

Есперсен комментирует: «Таким образом, то, что теперь характеризуется как чистое и совершенное и противопоставляется вульгарному произношению, в то время было особенностью слабого пола» [Jespersen 1922, 243]. Он иллюстрирует, приводя примеры из Франции, Дании и даже Сибири, что тенденция вводить новшества свойственна не только английским женщинам. Есперсен посвящает целый параграф «ослаблению старого переднеязычного вибрирующего звука г» [там же, 244]. Он поясняет, что это изменение, возникшее во многих языках, в значительной мере было привнесено женщинами. Приводимые им научные факты недостаточно значимы, а объяснения эксцентричны: «Старый вибрирую-

щий звук естественен и оправдан в том случае, когда жизнь, в основном, происходит вне дома, а в доме, главным образом, предпочитается менее шумная речевая манера» [там же, 244]. Он, в сущности, доказывает, что звуки, свойственные сельским жителям, не приемлемы для городских. Его наблюдения над различиями в речи «больших городов» и «сельской местности» внушают доверие, но его противопоставление городской жизни «чистой домашней (и поэтому находящейся под женским влиянием) жизни» представляется наивным.

Свою работу 1922 г. Есперсен заканчивает утверждением: «В современном английском языке существует ряд различий в произношении между двумя полами». Они перечисляются в таблице 2.2 в порядке, данном автором (первые два установлены Дэниэлом Джонсом, профессором фонетики Лондонского университета).

Таблица 2.2

**Половые различия в произношении в Англии, 1922
(по [Есперсен 1922, 245])**

Мужчины	Женщины	Примеры произношения
[sɔ:ft]	[sɒft]	soft (мягкий)
[gɜ:l]	[gɜ:l]	girl (девочка)
[waɪt]	[hwaɪt]	white (белый)
[tʃɪldrən]	[tʃɪldrən]	children (дети)
[ˈweskət]	[ˈweɪ skout]	waistcoat (жилет)

Интересно отметить, что, хотя Есперсен приводит приме-

ры различий в произношении мужчин и женщин, они не обнаруживают закономерности: более «совершенные» формы [soft], [qo: l], [wait], [tjildren] и [weiskout] не коррелируют с полом говорящего.

Есперсен делает вывод, что это лишь отдельные примеры, – «в целом мы должны заключить, что с точки зрения фонетики вряд ли существуют какие-либо различия в речи мужчин и женщин: для выражения всех намерений и целей оба пола фактически говорят на одном языке» [Jespersen 1922, 245]. Однако большинство социолингвистических работ XX в. подтверждают его ранние исследования о более качественном произношении женщин. Соотношение женской речи и языковых изменений обсуждается в главе 8.

2.2.6. Разговорчивость

*Many women, many words;
many geese, many turds.*

*Много женщин, много слов,
много гусей, много помета.*

Английская пословица

Существует давнее представление о том, что женщины слишком много говорят. Культурный миф о женской разговорчивости зафиксирован в песенке XV в., воспевающей

многочисленные достоинства женщин, но в припеве опровергающей эти утверждения и сообщающей, что истина в обратном.

Of all creatures women be best
Cuius contrarium verum est [of which the opposite is true] —

Из всех творений женщины – самое лучшее,
Но правда в обратном [Davies 1963, 222].

Женщины описываются как «неболтливые и умеющие хранить секреты». Автор с одобрением говорит, что на женщин можно положиться.

For tell a woman all your counsaile
And she can keep it wonderly well —

Доверьте женщине свои секреты, —
Она будет хранить их свято.

Автор с издевкой защищает женщин от обвинений в болтливости:

Trow ye that women list to smatter [chatter]
Or against their husbondes for to clatter?
Nay! They had lever fast, bred and water,

Then for to dele in suche a matter. —

Уж не подумаете ли вы, что женщины
болтают без дела и сплетничают о своих мужьях?
Нет! Скорее они сядут на хлеб и воду,
чем будут заниматься таким делом.

Юмор этого четверостишия состоит в том, что читателю заведомо известно, что автор имеет в виду обратное. Исходя из того что ключ к пониманию шутки заключается в латинской фразе рефрена, шутка является, несомненно, мужской, так как латинскому и греческому обучали только мальчиков (см. раздел 2.2.4).

В английской литературе достаточно образов, подтверждающих стереотип женской разговорчивости. Розалинда в «As you like It» (III, 2, 264) говорит: «Разве вы не знаете, что я – женщина? Когда я думаю, я должна говорить». Дион в «Филастере» Бимонта и Флетчера (Beaumont and Fletcher, II, 4, 1–3) предлагает:

Come, ladies, shall we talk a round?
As men do walk a mile, women talk an hour
After supper; 'tis their exercise. —

Подходите, леди, поболтаем вместе?
Пока мужчины проходят милю пешком после ужина,

Женщины должны часок поболтать – это их моцион.

Аврора Лэй, героиня поэмы Элизабет Баретт Броунинг 1856 г., говорит: «Прямое назначение женщины – беседа».

В разделе «Разговорчивость женщины» Есперсен приводит примеры из цитированной выше литературы, чтобы доказать свою точку зрения и обращается к исследованиям скорости чтения, показывающим, что женщины обнаруживают тенденцию читать предлагаемый им фрагмент быстрее, чем мужчины, и запоминать больший по объему текст после чтения. Перед лицом фактов Есперсен утверждает: «Однако было обнаружено, что скорость чтения не является доказательством интеллектуальности человека, и некоторые даже самые медленные чтецы оказываются высокообразованными людьми!» [Jespersen 1922, 252]. Для подтверждения этого предрассудка Есперсен обращается к работе Хавелокка Эллиса (1894) «Мужчина и женщина», в которой «объясняется», что «все же каждое предложение быстрым чтецом усваивается незамедлительно и без пристального изучения наполняет свободные ниши нашего разума» [там же, 252], а также утверждению Свифта:

Обычная беглость речи у многих мужчин и большинства женщин происходит по причине дефицита содержания смысла и дефицита слов; ибо тот, кто является мастером языка и обладает большим запасом идей, не всегда подберет нужное слово, а обычный носитель языка владеет определенным запасом идей и

слов, которые всегда у него на языке, чтобы облечь в них мысли (Swift; цит по [Jespersen 1922, 252]).

Современному читателю понятно, что ни один из приведенных доводов не является веским. Есперсен, несомненно, принимает за основу культурный стереотип разговорчивости и болтливости женщины. Он предоставляет нам разнящиеся данные о скорости речи, затем заявляет, что женская легкость в словах не связана с какой-либо интеллектуальностью (скорее, наоборот) и цитирует категоричные высказывания двух известных авторов, как будто это является доказательством. Поскольку Есперсен не приводит данных о скорости и качестве женской речи, цитируемый фрагмент не дает никакой информации, за исключением того, что ученые-лингвисты в начале XX в. сами были источником различных пред-рассудков своего времени.

Другая сторона женской разговорчивости – это образ молчаливой женщины, который нередко преподносится нам как идеальный. «Молчание – лучшее украшение женщины» (английская пословица). Эта пословица встречается в ранних литературных текстах, например, в рыцарских романах времен короля Артура, в историях об Эрике и Энид. Она существует в нескольких версиях: (с. 1170) «Мабиногион» («The Mabinogion») Кретьена де Труа (с. 1300) и «Баллады о короле» («Idylls of the King») Теннисона (1859). В основном действии участвуют Эрик и Энид, которая в одиночку отправляется верхом в путешествие, в течение которого Эрик про-

веряет преданность своей жены.

Eric says:

and this

I charge thee, on the duty as a wife,

Whatever happens, not to speak to me

No, not a word! —

(Tennyson, Geraint u Enid)

Эрик говорит:

За это я несу ответственность, за долг жены,

Чтобы ни произошло, не разговаривай со мной,

Ни слова, ни одного слова!

Молчание – синоним покорности и послушания.

История о «Терпеливой Гризельде» также появляется в различных вариантах. Например, «История о слуге» в «Кентерберийских рассказах» Чосера. Здесь также проверяется верность и покорность жены – у женщины силой забирают детей. Хотя Гризельда предполагает, что они убиты, она не протестует: «Ne in this tyme word ne spak she noon» («На этот раз я не скажу и слова») («История о слуге»). Молчание снова описывается, как свойство присущее покорности. Следует обратить внимание на то, что Гризельда блестяще проходит тест на послушание и таким образом является персонажем, понять которого читателю XX в. трудно; Энид, наобо-

рот, нарушает приказ мужа для того, чтобы предостеречь его от опасности, – она спасает ему жизнь, отказываясь хранить молчание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.